

Дмитрий Святитель Ростовский

Жития святых. Том 1 Январь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17146006

Аннотация

«Жития святых» Дмитрия Ростовского – это знаменитые Четьи-Минеи, которые имели и продолжают иметь колоссальное духовное влияние на многие поколения православных христиан. Дмитрия Ростовского часто называли «Златоустом Российской словесности», «Пастырем добрый», «Звездой всю страну ученьми и чудесы озарившей», «Райской ветвью Малороссии», «Святителем с медоточивыми устами». Святитель Димитрий Ростовский писал «Жития святых» на каждый день года в течение двадцати лет. Четьи-Минеи можно буквально передать как (чтение на каждый месяц). Это книги житий святых Православной Церкви, причем повествования эти излагаются по порядку месяцев и дней каждого месяца, откуда и название их «минеи». «Жития святых» – сборники оригинальных и переводных памятников, житийных и риторических церковно-учительных слов и других сочинений Отцов Церкви и предназначавшихся для ежедневного чтения в течение месяца.

Содержание

Месяц январь	4
Память 1 января	4
Слово на Обрезание Христово	4
Житие святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарийского	7
Память святого мученика Василия Анкирского	32
Память 2 января	33
Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского	33
Конец ознакомительного фрагмента.	62

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского

Месяц январь

Память 1 января

Слово на Обрезание Христово

Господь наш Иисус Христос, по истечении восьми дней от рождения, соизволил принять обрезание. С одной стороны Он принял его для того, чтобы исполнить закон: *«не нарушить закон пришел Я, – сказал Он, – но исполнить»* (Мф.5:17); ибо Он повиновался закону, дабы освободить от него тех, кто пребывал в рабском подчинении ему, как говорит апостол: *«Бог послал Сына Своего, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных»* (Гал.4:5). С другой стороны, Он воспринял обрезание для того, чтобы показать, что Он принял действительно плоть человеческую, и чтобы заградились еретические уста, говорящие, что Христос не принял на Себя истинной плоти человеческой, но родился только призрачно.¹ Итак, Он был обрезан, чтобы явно было Его человечество. Ибо, если бы Он не облекся в нашу плоть, то как мог быть обрезан призрак, а не плоть? Святой Ефрем Сирий говорит: «Если Христос не был плотью, то кого обрезал Иосиф? Но как Он был воистину плотью, то и обрезан был как человек, и младенец обагрался действительно Своею кровью, как сын человеческий; Он болел и плакал от боли, как подобает имеющему человеческую природу». Но, кроме того, Он принял плотское обрезание и для того, чтобы установить для нас духовное обрезание;² ибо, закончивши ветхий, касавшийся плоти,³ закон, Он положил начало новому, духовному. И как ветхозаветный плотской человек обрезывал чувственную свою плоть, так новый духовный человек должен обрезывать душевные страсти: ярость, гнев, зависть, гордость, нечистые желания и другие грехи и греховные вожделения. Обрезан же был Он на восьмой день потому, что предизображал нам кровью Своею грядущую жизнь, которая обыкновенно учителями Церкви называется восьмым днем или веком. Так писатель канона на обрезание Господне святой Стефан говорит: «будущаго непрестанною осмаго века жизнь изображает, в нюже Владыка обрежася плотию».⁴ И святой Григорий Нисский так говорит: «Обрезание по закону должно было совершаться в восьмой день, причем восьмое число предуказывало на восьмой будущий век».⁵ Подобает также знать, что обрезание в Ветхом Завете было установлено во образ крещения и очищения прародительского греха, хотя тот грех и не очищался

¹ Еретики, называвшиеся докетами, учили, что Бог не мог воспринять на Себя немощной плоти человеческой, и что людям только казалось, будто Христос страдал и умер.

² Т. е. крещение, которое, как ниже сказано, удаляет из человека греховные страсти.

³ Ветхий Завет по преимуществу содержал в себе постановления, касавшиеся внешнего благоповедения человека.

⁴ Служба Обрезанию Господню, канон, на 4-й песни. – Святой Стефан Савваит – песнописец VIII века. Память его – 28-го октября.

⁵ Число семь в Священном писании означает полноту. Посему, чтобы обозначить всю долговременность жизни этого мира, святые отцы употребляли выражение семь веков или дней, а восьмой век или день, естественно, уже должен был обозначать жизнь будущую.

совершенно обрезанием, чего и не могло быть до тех пор, пока Христос добровольно не пролил за нас в страданиях Своей пречистой крови. Обрезание было только прообразом истинного очищения, а не самым истинным очищением, которое совершил Господь наш, взяв грех от среды и пригвоздив его на крест,⁶ а вместо ветхозаветного обрезания установив новое благодатное крещение водою и Духом. Обрезание было в те времена как бы казнь за прародительский грех и знаком того, что обрезываемый младенец зачат был в беззаконии, как говорит Давид, и в грехе родила его мать его (Пс.50:7), отчего и язва оставалась на отроческом теле. Господь же наш был безгрешен; ибо хотя Он и по всему уподобился нам, но не имел на Себе греха. Подобно тому, как медный змий, сооруженный в пустыне Моисеем, был по виду подобен змию, но не имел в себе змеиного яда (Числ.21:9), так и Христос был истинный человек, но непричастный человеческому греху, и родился, сверхъестественным образом, от чистой и безмужней Матери. Ему, как безгрешному и Самому бывшему Законодателем, не нужно бы и претерпевать того болезненного законного обрезания; но так как Он пришел взять на Себя грехи всего мира и Бог, как говорит апостол, не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех (2 Кор.5:21), то Он, будучи без греха, претерпевает обрезание, как бы грешник. И в обрезании Владыка нам явил большее смирение, нежели в рождении Своем. Ибо в рождении Он принял на Себя образ человека, по слову апостола: *«сделавшись подобным человекам и по виду став как человек»* (Флп.2:7); в обрезании же Он принял на Себя образ грешника, как грешник претерпевая боль, положенную за грех. И в чем не был виновен, за то Он страдал как невинный, как бы повторяя с Давидом: *«чего я не отнял, то должен отдать»* (Пс.68:5), т. е. за тот грех, коему я непричастен, принимаю болезнь обрезания. Обрезанием, им принятым, Он предначал Свои страдания за нас и вкушение той чаши, которую Он имел испить до конца, когда, висая на кресте, произнес: *«Совершилось»* (Иоан.19:30)! Он изливает теперь капли крови от крайней плоти, а затем она потоками будет истекать впоследствии из всего Его тела. Он начинает терпеть в младенчестве и приучается к страданию, чтобы, став мужем совершенным, быть в состоянии вынести более лютые страдания, ибо к подвигам мужества следует приучаться с юности. Жизнь человеческая, полная трудов, подобна дню, для которого утро составляет рождение, а вечер кончину. Итак, с утра, из пелен, Христос, обожаемый человек, выходит на дело свое, на труды – Он в трудах с самой юности Своей и на работу свою до вечера (Пс.103:23), того вечера, когда солнце померкнет и по всей земле будет тьма, до часа девятого. И возглаголет Он иудеям: *«Отец Мой доныне делает, и Я делаю»* (Иоан.5:17). Что же соделывает нам Господь? – Наше спасение: *«устраивающий спасение посреди земли»* (Пс.73:12). А чтобы сделать это дело вполне совершенно, Он принимается за него с утра, от юности, начиная претерпевать телесную болезнь, а вместе и сердечно болезнуя о нас, как о Своих чадах, доколе не изобразится в нас Сам Он – Христос.⁷ С утра Он начинает сеять Своею кровью, чтобы к вечеру собрать прекрасный плод нашего искупления. Обожаемому Младенцу было наречено при обрезании имя Иисус, которое было принесено с неба Архангелом Гавриилом в то время, когда он благовестил о зачатии Его Пречистой Деве Марии, прежде чем Он зачат был во чреве, т. е., прежде чем Пресвятая Дева приняла слова благовестника, прежде чем сказала: *«се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему!»* (Лк.1:38). Ибо, при этих словах Её, Слово Божие тотчас стало плотью, вселившись в пречистую и пресвятейшую Её утробу. Итак, пресвятейшее имя Иисус, нареченное ангелом прежде зачатия, дано было при обрезании Христу Господу, что и служило извещением о нашем спасении; ибо имя Иисус значит – спасение, как объяснил тот же ангел, явившись во сне Иосифу и говоря: *«наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей*

⁶ Кол. 2:14. Грех от среды т. е. грех стоял как препятствие, перегородка, отгораживая человека от Бога. Но потом грех был пригвожден ко кресту, т. е. лишился всякой силы и не мог уже препятствовать человеку войти в общение с Богом.

⁷ Гал. 4:19. Изобразится – в нас ясно отпечатлевается образ Христа, так что мы вполне будем достойны названия христиан.

Своих от грехов их» (Мф.1:21). И святой апостол Петр свидетельствует об имени Иисусовом такими словами: *«нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»* (Деян.4:12). Сие спасительное имя Иисус прежде всех веков, в Троическом Совете, было предуготовлено, написано и до сего времени было хранимо для нашего избавления, теперь же, как бесценный жемчуг, принесено было из небесной сокровищницы для искупления человеческого рода и открыто всем Иосифом. В этом имени открыты истина и мудрость Божия (Пс.50:8). Это имя, как солнце, озаряло своим сиянием мир, по слову пророка: *«А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды»* (Малах.4:2). Как благовонное миро, оно напоило своим ароматом вселенную: разлитое миро – сказано в Писании – от благовония мастей твоих (Песн.1:2), не в сосуд оставшееся миро – имя Его, но вылитое. Ибо пока миро хранится в сосуде, до тех пор и благовоние его удерживается внутри; когда же оно прольется, то тотчас наполняет воздух благоуханием. Неизвестна была сила имени Иисусова, пока скрывалась в Предвечном Совете, как бы в сосуде. Но как скоро то имя излилось с небес на землю, то тотчас же, как ароматное миро, при излиянии во время обрезания младенческой крови, наполнило вселенную благоуханием благодати, и все народы ныне исповедуют, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.⁸ Сила имени Иисусова теперь открылась, ибо то дивное имя Иисус привело в удивление ангелов, обрадовало людей, устало бесов, ибо и бесы веруют, и трепещут (Иак.2:19); от того самого имени сотрясается ад, колеблется преисподняя, исчезает князь тьмы, падают истуканы, разгоняется мрак идолопоклонства и, вместо него, возсиявает свет благочестия и просвещает всякого человека, приходящего в мир (Иоан.1:9). О сем имени выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилося всякое колено небесных, земных и преисподних (Флп.2:10). Это имя Иисусово есть сильное оружие против врагов, как говорит святой Иоанн Лествичник: *«именем Иисуса всегда поражай ратников, ибо крепче этого оружия ты не найдешь ни на небе, ни на земле. Как сладко сердцу, любящему Христа Иисуса это драгоценнейшее имя Иисус! Как приятно оно тому, кто имеет его! Ибо Иисус – весь любовь, весь сладость. Как любезно это пресвятое имя Иисус рабу и узнику Иисусову, взятому в плен Его любовью! Иисус – в уме, Иисус – на устах, Иисус – где сердцем веруют к праведности, Иисус – где устами исповедуют ко спасению (Рим.10:10). Ходишь ли ты, сидишь ли на месте, или что работаешь – Иисус всегда находится пред очами. Ибо я рассудил, – сказал апостол, – быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса (1 Кор.2:2). Ибо Иисус для того, кто прилепляется к Нему, есть просвещение ума, красота душевная, здравие для тела, веселие сердцу, помощник в скорбях, радость в печалях, врачевство в болезни, отрада во всех бедах, и надежда на спасение и для того, кто Его любит, Сам есть награда и воздаяние»*.

Некогда, по сказанию Иеронима, неисповедимое имя Божие начерчивалось на золотой дощечке, которую носил на челе своем великий первосвященник,⁹ ныне же божественное имя Иисус начертывается истинною Его кровью, излианною при Его обрезании. Начерчивается же оно уже не на золоте вещественном, а на духовном, т. е. на сердце и на устах рабов Иисусовых, как оно начертано было в том, о котором Христос сказал: *«ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое»* (Деян.9:15). Сладчайший Иисус хочет, чтобы имя Его как самое сладкое питье было носимо в сосуде, ибо Он воистину сладок всем, вкушающим Его с любовью, к которым и обращается псалмопевец с такими словами: *«Вкусите, и увидите, как благ Господь»* (Пс.33:9)! Вкусив Его, пророк вопиет: *«Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя»* (Пс.17:2)! Вкусив Его и святой апостол Петр говорит: *«Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни»*

⁸ Флп. 2:11 т. е. Господь Иисус прославил Своим, принятым Им на Себя, подвигом Бога Отца.

⁹ Дощечка золотая, прикрепленная к главной повязке первосвященника, имела на себе начертание имени Божия (Иегова).

(Мф.19:27; Иоан.6:68). Сею сладостью для святых страдальцев настолько были услаждены их тяжкие мучения, что они не боялись даже и самой ужасной смерти. Кто нас, – вопияли они, – отлучит от любви Божией: скорбь, или опасность, или меч, ни смерть, ни жизнь, ибо крепка, как смерть, любовь (Рим.8:35, 38; Песн.8:6). В каком же сосуде неизреченная сладость – имя Иисусово любит быть носимой? Конечно, в золотом, который испытан в горниле бед и несчастий, который украшен, как бы драгоценными камнями, ранами, принятыми за Иисуса и говорит: *«Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем»* (Гал.6:17). Такого сосуда требует та сладость, в таком имя Иисусово желает быть носимым. Не напрасно Иисус, принимая имя во время обрезания, проливает кровь; этим Он как бы говорит, что сосуд, имеющий носить в себе Его имя, должен обогреться кровью. Ибо когда Господь взял Себе избранный сосуд для прославления Своего имени – апостола Павла, то тотчас же прибавил: *«И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое»* (Деян.9:16). Смотри на Мой сосуд окровавленный, изъязвленный – так начерчивается имя Иисусово краснотою крови, болезнями, страданиями тех, кто стоит до крови, подвизаясь против греха (Евр.12:14).

Итак, облобызаем тебя с любовью, о сладчайшее Иисусово имя! Мы поклоняемся с усердием пресвятому Твоему имени, о пресладкий и всещедрый Иисусе! Мы хвалим Твое высочайшее имя, Иисусе Спасе, припадаем к пролитой при обрезании крови Твоей, незлобивый Младенец и совершенный Господь! Мы умоляем при сем Твою преизобильную благость, ради того Твоего пресвятого имени и ради Твоей драгоценнейшей изливаемой за нас крови, и еще ради Пренепорочной Твоей Матери, нетленно Тебя родившей, – излей на нас богатую Твою милость! Услади, Иисусе, сердце наше Самим Тобою! Защити и огради нас, Иисусе, всюду Твоим именем! Означай и запечатлевай нас, рабов Твоих, Иисусе, тем именем, дабы мы могли быть приняты в Твое будущее Царствие, и там вместе с ангелами славить и воспевать, Иисусе, пречестное и великолепное имя Твое во веки. Аминь.

Тропарь, глас 1:

На престоле огнезрачном в вышних седяй со Отцем безначальным, и божественным Твоим Духом, благоволил еси родиться на земли, от отроковицы, неискусомужная Твоя Матере Иисусе: сего ради и обрезан был еси яко человек осмодневный. Слава всеблагодарному Твоему совету: слава смотрению Твоему: слава низхождению Твоему, Едине человеколюбче.

Кондак, глас 3:

Всех Господь обрезание терпит и человеческая прегрешения яко благ обрезует: дает спасение днесь миру. Радуется же в вышних и Создателев иерарх, и светоносный божественный таинник Христов Василий.

Житие святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарийского

Великий угодник Божий и Богомудрый учитель Церкви Василий родился от благородных и благочестивых родителей в Каппадокийском городе Кесарии,¹⁰ около 330 года, в цар-

¹⁰ Каппадокия – провинция Римской империи, находилась на востоке Малой Азии и известна была во времена Василия Великого образованностью своих жителей. В конце XI века Каппадокия подпала под власть Турок и доселе принадлежит им. Кесария – главный город Каппадокии; церковь кесарийская издавна славилась образованностью своих архипастырей. Св. Григорий Богослов, здесь положивший начало своему образованию, называет Кесарию столицей просвещения.

ствование императора Константина Великого.¹¹ Отца его звали также Василием,¹² а мать – Еммелией. Первые семена благочестия были посеяны в его душе благочестивой его бабкой, Макриною, которая в юности своей удостоилась слышать наставления из уст святого Григория Чудотворца¹³ – и матерью, благочестивой Еммелией. Отец же Василия наставлял его не только в христианской вере, но учил и светским наукам, который ему были хорошо известны, так как он сам преподавал риторику, т. е. ораторское искусство, и философию. Когда Василию было около 14-ти лет, отец его скончался, и осиротевший Василий два или три года провел с своею бабкою Макриною, невдалеке от Неокесарии, близ реки Ириса,¹⁴ в загородном доме, которым владела его бабка и который впоследствии был обращен в монастырь. Отсюда Василий часто ходил и в Кесарию, чтобы навещать свою мать, которая с прочими своими детьми жила в этом городе, откуда она была родом.

По смерти Макрины, Василий на 17-м году жизни снова поселился в Кесарии, чтобы заниматься в тамошних школах разными науками. Благодаря особой остроте ума, Василий скоро сравнялся в познаниях со своими учителями и, ища новых знаний, отправился в Константинополь, где в то время славился своим красноречием молодой софист Ливаний.¹⁵ Но и здесь Василий пробыл недолго и ушел в Афины – город, бывший матерью всей эллинской премудрости.¹⁶ В Афинах он стал слушать уроки одного славного языческого учителя, по имени Еввула, посещая вместе с тем школы двоих других славных афинских учителей, Иберия и Прозерсия.¹⁷ Василию в это время пошел уже двадцать шестой год и он обнаруживал чрезвычайное усердие в занятиях науками, но в то же время заслуживал и всеобщее одобрение чистотою своей жизни. Ему известны были только две дороги в Афинах – одна, ведущая в церковь, а другая, – в школу. В Афинах Василий подружился с другим славным святителем – Григорием Богословом, также обучавшимся в то время в афинских школах.¹⁸ Василий и Григорий, будучи похожи друг на друга по своему благонравию, кротости и целомудрию, так любили друг друга, как будто у них была одна душа, – и эту взаимную любовь они сохранили впоследствии навсегда. Василий настолько увлечен был науками, что часто даже забывал, сидя за книгами, о необходимости принимать пищу. Он изучил грамматику, риторику, астрономию, философию, физику, медицину и естественные науки. Но все эти

¹¹ Император Константин Великий царствовал от 324 до 337 года.

¹² Отец Василия, по имени также Василий, известный своей благотворительностью, был женат на знатной и богатой девушке Еммелии. От этого брака родились пять дочерей и пять сыновей. Старшая дочь – Макрина, после безвременной смерти своего жениха, осталась верно этому благополагавшемуся союзу, посветив себя целомудрию (память ее 19 июля); другие сестры Василия вышли замуж. Из пяти братьев один умер в раннем детстве; три были епископами и причислены к лику святых; пятый погиб на охоте. Из оставшихся в живых старшим сыном был Василий, за ним следовал Григорий, впоследствии епископ Нисский (память его 10 января), и Петр, сначала простой подвижник, потом епископ Севастийский (память его 9 января). – Отец Василия, вероятно, незадолго перед кончиной принял сан священника, как об этом можно заключать из того, что Григорий Богослов называет мать Василия Великого супругой иерея.

¹³ Григорий Чудотворец, епископ Неокесарии (к северу от Кесарии Каппадокийской) составил символ веры и каноническое послание, а кроме того написал ещё несколько сочинений. Умер в 270 г., память его 17 ноября.

¹⁴ Неокесария – нынешний Никсар – знаменитая по своей красоте столица Понта Полеmoniака, на севере Малой Азии; особенно известна по происходившему там (в 315 г.) церковному собору. Ирис – река в Понте, берет начало на Антитавре.

¹⁵ Софисты – ученые, посвятившие себя преимущественно изучению и преподаванию красноречия. – Ливаний и впоследствии, когда уже Василий был епископом, поддерживал с ним письменные сношения.

¹⁶ Афины – главный город Греции, издавна привлекавший к себе цвет греческого ума и таланта. Здесь некогда жили известные философы – Сократ и Платон, а также поэты Эсхил, Софокл, Эврипид и др. – Под Эллинскою премудростью разумеется языческая ученость, языческое образование.

¹⁷ Прозерсий, знаменитейший в то время учитель философии, был христианин, как это видно из того, что он закрыл свою школу, когда император Юлиан запретил христианам заниматься преподаванием философии. О том, какой религии держался Иберий, ничего неизвестно.

¹⁸ Григорий (Назианзин) был впоследствии некоторое время патриархом Константинопольским и известен своими высокими творениями, за который получил прозвание Богослова. Он был знаком с Василием еще в Кесарии, но близко подружился с ним только в Афинах. Память его 25 января.

светские, земные науки не могли насытить его ум, искавший высшего, небесного озарения и, пробыв в Афинах около пяти лет, Василий почувствовал, что мирская наука не может дать ему твердой опоры в деле христианского усовершенствования. Поэтому он решился отправиться в те страны, где жили христианские подвижники, и где бы он мог вполне ознакомиться с истинно-христианскою наукою.

Итак в то время как Григорий Богослов оставался в Афинах уже сам сделавшись учителем риторики, Василий пошел в Египет, где процветала иноческая жизнь.¹⁹ Здесь у некоего архимандрита Порфирия он нашел большое собрание богословских творений, в изучении которых провел целый год упражняясь в то же время в постнических подвигах. В Египте Василий наблюдал за жизнью знаменитых современных ему подвижников – Пахомия, жившего в Фиваиде, Макария старшего и Макария Александрийского, Пафнутия, Павла и других. Из Египта Василий отправился в Палестину, Сирию и Месопотамию, чтобы обозреть святые места и ознакомиться с жизнью тамошних подвижников. Но на пути в Палестину, он заходил в Афины и здесь имел собеседование со своим прежним наставником Еввулом, а также препирался об истинной вере с другими греческими философами.

Желая обратить своего учителя в истинную веру и этим заплатить ему за то добро, которое он сам получил от него, Василий стал искать его по всему городу. Долго он не находил его, но, наконец за городскими стенами встретился с ним в то время, как Еввул беседовал с другими философами о каком-то важном предмете. Прислушавшись к спору и не открывая еще своего имени, Василий вступил в разговор, тотчас же разрешив затруднительный вопрос, и потом со своей стороны задал новый вопрос своему учителю. Когда слушатели недоумевали, кто бы это мог так отвечать и возражать знаменитому Еввулу, последний сказал:

– Это – или какой-либо бог, или же Василий.²⁰

Узнав Василия, Еввул отпустил своих друзей и учеников, а сам привел Василия к себе, и они целых три дня провели в беседе, почти не вкушая пищи. Между прочим Еввул спросил Василия о том, в чем по его мнению, состоит существенное достоинство философии.

– Сущность философии, – отвечал Василий, – заключается в том, что она дает человеку памятование о смерти.²¹

При этом он указывал Еввулу на непрочность мира и всех утех его, которые сначала кажутся действительно сладкими, но за то потом становятся крайне горькими для того, кто слишком сильно успел к ним привязаться.

– Есть на ряду с этими утехами, – говорил Василий, – утешения другого рода, небесного происхождения. Нельзя в одно и то же время пользоваться теми и другими – *«Никто не может служить двум господам»* (Мф.6:24), – но мы все-таки, насколько возможно людям, привязанным к житейскому, раздробляем хлеб истинного познания и того, кто, даже по собственной вине, лишился одеяния добродетели, вводим под кров добрых дел, жалея его, как жалеем на улице человека нагого.

Вслед за этим Василий стал говорить Еввулу о силе покаяния, описывая однажды виденные им изображения добродетели и порока, которые поочередно привлекают к себе

¹⁹ Египет давно уже служил местом, где особенно развита была христианская подвижническая жизнь. Точно также там было великое множество христианских ученых, из которых самыми знаменитыми были Ориген и Климент Александрийский.

²⁰ Т. е., по мнению Еввула, Василий имел разум, превосходивший обычную человеку меру ума, и в этом отношении приближался к богам.

²¹ Т. е., тот только заслуживает почетного имени «философ», кто смотрит на смерть, как на переход в новую жизнь и потому без страха покидает этот мир.

человека, и изображение покаяния, около которого, как его дочери, стоят различные добродетели.²²

– Но нам нечего, Еввул, – прибавил Василий, – прибегать к таким искусственным средствам убеждения. Мы владеем самою истиною, которую может постичь всякий, искренно к ней стремящийся. Именно, мы веруем, что все некогда воскреснем, – одни в жизнь вечную, а другие для вечного мучения и посрамления. Нам ясно об этом говорят пророки: Исаия, Иеремия, Даниил и Давид и божественный апостол Павел, а также Сам призывающий нас к покаянию Господь, Который отыскал погибшее овца, и Который возвращающегося с раскаянием блудного сына, обняв с любовью, лобызает украшает его светлою одеждою и перстнем и делает для него пир (Лк., гл.15). Он дает равное воздаяние пришедшим в одиннадцатый час, равно как и тем которые терпели тягость дня и зной.²³ Он подает нам кающимся и родящимся водою и Духом то, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.²⁴

Когда Василий передал Еввулу вкратце историю домостроительства нашего спасения, начав с грехопадения Адамова и закончив учением о Христе-Искупителе, Еввул воскликнул:

– О, явленный небом Василий, чрез тебя я верую в Единого Бога Отца Вседержителя, Творца всяческих, и чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь. А вот, тебе и доказательство моей веры в Бога: остальное время моей жизни я проведу с тобою, а теперь желаю рождения от воды и Духа.

Тогда Василий сказал:

– Благословен Бог наш отныне и до века, Который озарил светом истины ум твой, Еввул и привел тебя из крайнего заблуждения в познание Своей любви. Если же ты хочешь, – как ты сказал, – жить со мною, то я объясню тебе, каким образом нам заботиться о нашем спасении, избавляясь от сетей здешней жизни. Продадим все наше имение и раздадим деньги нищим, а сами пойдем в святой град видеть тамошние чудеса;²⁵ там мы еще более укрепимся в вере.

Раздав, таким образом, нуждающимся все имение свое и купив себе белые одежды, какие требовалось иметь принимающим крещение,²⁶ они пошли в Иерусалим и по дороге обращали многих к истинной вере.

Пришедши в Антиохию,²⁷ они взошли в одну гостиницу. Сын содержателя гостиницы Филоксен в это время сидел у дверей в большом огорчении. Будучи учеником софиста Ливания, он взял у него некоторые стихотворения Гомера,²⁸ чтобы переложить их на ораторскую речь, но не мог этого сделать и, находясь в таком затруднении, весьма скорбел. Василий, увидев его грустным, спросил:

– О чем ты грустишь, юноша?

Филоксен же сказал:

– Если я и скажу тебе о причине моей скорби, какая мне будет от тебя польза?

Когда же Василий настаивал на своем и обещал, что не напрасно юноша скажет ему о причине своей скорби, то отрок сказал ему и о софисте и о стихах, прибавив, что причина скорби его та, что он не умеет ясно передать смысл тех стихов. Василий, взяв стихи, начал толковать их, перелагая их на речь простую; отрок же, удивляясь и радуясь, просил его напи-

²² Такие картины в древности нередко употреблялись нравоучителями для того, чтобы произвести большее впечатление на слушателей.

²³ Т. е. жара, зной, который очень тяжел на востоке (Мф.20:12).

²⁴ Т. е., чего мы теперь никакими средствами и представить себе не можем (1 Кор.2:9).

²⁵ Т. е. различные достопримечательности, как напр., гроб Христов, Голгофа и так далее.

²⁶ Как ныне, так и в древности новокрещенные, в знак полученного ими очищения от грехов, облекались в белые одежды.

²⁷ Здесь разумеется Антиохия Сирийская, при реке Оронте, называвшаяся Великою.

²⁸ Гомер – величайший греческий поэт, живший в IX в. до Р. Хр.; написал знаменитые поэмы: «Илиаду» и «Одиссею».

сать ему тот перевод. Тогда Василий написал перевод тех Гомеровых стихов тремя разными способами и отрок, взяв перевод с радостью, пошел с ними утром к учителю своему, Ливанию. Ливаний, прочитав, удивился и сказал:

– Клянусь Божественным промыслом, что нет среди нынешних философов никого, кто мог бы дать такое толкование! Кто же написал это тебе, Филоксен?

Отрок сказал:

– В моем доме находится один странник, который написал это толкование очень скоро и без всякого затруднения.

Ливаний тотчас поспешил в гостиницу, чтобы увидеть этого странника; увидев здесь Василия и Еввула, он удивился их неожиданному прибытию и обрадовался им. Он просил их остановиться в его доме и, когда они пришли к нему, предложил им роскошную трапезу. Но Василий и Еввул по обычаю своему, вкусив хлеба и воды, вознесли благодарение подателю всяких благ Богу. После сего Ливаний начал задавать им разные софистические вопросы, а они предложили ему слово о вере христианской. Ливаний, внимательно выслушав их, сказал, что еще не пришло время для принятия этого слова, но что, если такова будет воля Божественного Промысла, никто не сможет сопротивляться учению христианства.²⁹

– Много ты одолжил бы меня, Василий, – заключил он, – если бы не отказался изложить свое учение на пользу ученикам, у меня находящимся.

Вскоре собрались ученики Ливания, и Василий начал учить их, чтобы они стяжали душевную чистоту, телесное бесстрастие, скромную поступь, тихую речь, скромное слово, умеренность в пище и питии, молчание при старейших, внимательность к словам мудрых, повиновение начальникам, нелицемерную любовь к равным себе и к низшим, чтобы они отдалялись от злых, страстных и привязанных к плотским удовольствиям, чтобы меньше говорили и более слушали и вникали, не были безрассудными в слове, не были многословны, не смеялись бы дерзко над другими, украшались стыдливостью, не вступали в беседу с безнравственными женщинами, опускали очи долу, а душу обращали бы горе, избегали споров, не искали бы учительского сана, и почести этого мира вменяли бы ни во что. Если же кто сделает что-либо на пользу ближним, то пусть ожидает награды от Бога и вечного воздаяния от Иисуса Христа, Господа нашего. Так говорил Василий ученикам Ливания и те с великим удивлением слушали его, а после сего он вместе с Еввулом снова отправился в дорогу.

Когда они пришли в Иерусалим и обошли с верою и любовью все святые места, помолвившись там Единому Создателю всего Богу, они явились к епископу того города, Максиму,³⁰ и просили его окрестить их в Иордане.³¹ Епископ, видя их великую веру, исполнил их просьбу: взяв клириков своих, он отправился с Василием и Еввулом к Иордану. Когда они остановились на берегу, Василий пал на землю и со слезами молил Бога, чтобы Он явил ему какое-либо знамение для укрепления его веры. Потом, с трепетом вставши, он снял с себя свои одежды, а вместе с ними *«отложил прежний образ жизни ветхого человека»*,³² и, войдя в воду, молился. Когда святитель подошел, чтобы окрестить его, внезапно спала на них огненная молния и вышедший из той молнии голубь погрузился в Иордан и, всколыхнув воду, улетел на небо.³³ Стоявшие же на берегу, увидев это, вострепетали и прославили Бога. Приняв крещение, Василий вышел из воды и епископ дивясь любви его к Богу, облек его в

²⁹ Т. е. не пришло еще время заменить философию и языческую религию верою христианской. Ливаний так и умер язычником (около 391 года, в Антиохии).

³⁰ Максим III – патриарх иерусалимский с 333 по 350 год.

³¹ Древние христиане очень поздно принимали св. крещение – отчасти по смирению, отчасти в том соображении, что, окрестившись незадолго перед кончиною, получают в крещении прощение всех грехов своих.

³² Т. е. освободился от наследственного прародительского греха (Посл. к Ефес. гл. 4, ст. 22).

³³ Это чудо напоминало собою сошествие Св. Духа в виде голубя на крестившегося в Иордане Христа Спасителя.

одежду Христова воскресения,³⁴ совершая при сем молитву. Крестил он и Еввула и потом помазал обоих миром и причастил Божественных Даров.

Возвратившись в святой град, Василий и Еввул пробыли там один год. Потом они отправились в Антиохию, где Василий был поставлен архиепископом Мелетием в диакона, потом занимался изъяснением Писания.³⁵ Немного времени спустя, он ушел с Еввулом в свое отечество, Каппадокию. Когда они приближались к городу Кесарии, архиепископу Кесарии, Леонтию, было возведено в сновидении об их прибытии и сказано, что Василий со временем будет архиепископом этого города. Посему архиепископ, призвав своего архидиакона³⁶ и нескольких почетных клириков, послал их к восточным воротам города, повелев им привести к нему с почетом двоих странников которых они там встретят. Они пошли и, встретив Василия с Еввулом, когда те входили в город, отвели их к архиепископу; тот, увидев их, удивился, ибо именно их он видел в сновидении, – и прославил Бога. Спросив их о том, откуда они идут и как называются и, узнав имена их, он повелел отвести их в трапезу и угостить, сам же, созвав клир свой и почетных горожан, рассказал им все, что поведано ему было в видении от Бога о Василии. Тогда клир единогласно сказал:

– Так как за добродетельную жизнь твою Бог указал тебе наследника твоего престола, то поступи с ним как тебе угодно; ибо поистине достоин всякого уважения тот человек, которого прямо указывает воля Божия.

³⁴ Господь Иисус Христос, находясь в гробе, был обернут в белые пелены.

³⁵ Василию Великому принадлежит много сочинений. Как все действия св. Василия отличались необыкновенным величием и важностью, так и все сочинения его запечатлены тем же характером высоты и величия христианского. В своих творениях он является и проповедником, и догматистом-полемиком, и толкователем Св. Писания, и учителем нравственности и благочестия и, наконец, устройтелем церковного богослужения. Из бесед его, по силе и одушевлению, считаются лучшими: против ростовщиков, против пьянства и роскоши, о славе, о голоде. В своих письмах св. Василий живо изображает события своего времени; многие из писем содержат превосходные наставления о любви, кротости, прощении обид, о воспитании детей, против скупости и гордости богатых против напрасной клятвы или же с духовными советами для иноков. Как догматист и полемик он является пред нами в своих трех книгах, написанных против арианского лжеучителя Евномия, в сочинении против Савелия и Аномеев о божестве Св. Духа. Сверх того, Василий Великий писал особую книгу о Святом Духе против Аэтия, поборником которого был и Евномий. К догматическим сочинениям относятся также некоторые беседы и письма св. Василия. Как толкователь Св. Писания, особую известность стяжал себе св. Василий девятью беседами на «Шестоднев», где он показал себя знатоком не только Слова Божиего, но и философии и естествознания. Известны также его беседы на псалмы и на 16 глав книги прор. Исайи. Беседы как на Шестоднев так и на псалмы, говорены были в храме и потому наряду с изъяснением заключают в себе увещания, утешения и поучения. Учения благочестия касался он в своем знаменитом «наставлении юношам как пользоваться языческими писателями», и в двух книгах о подвижничестве. К каноническим сочинениям относятся послания Василия Великого к некоторым епископам. – Григорий Богослов так отзывался о достоинстве творений Василия Великого: «Везде одно и величайшее усаждение – это писания и творения Васильевы. После него не нужно писателям иного богатства, кроме его писаний. Вместо всех – один он стал достаточен учащимся для образования». «Кто хочет быть отличным гражданским оратором, – говорит ученый патриарх Фотий, – тому не нужен ни Демосфен, ни Платон, если только он принял себе за образец и изучает слова Василия. Во всех словах своих св. Василий превосходит. Он особенно владеет языком чистым, изящным, величественным; в порядке мыслей за ним первое место. Убедительность соединяет он с приятностью и ясностью». Святой Григорий Богослов так говорит о познаниях и писаниях святого Василия: «Кто больше Василия просветился светом ведения, прозрел в глубины Духа, и с Богом исследовал все, что ведомо о Боге? В Василии красотою была добродетель, величием – Богословие, шестивием – непрестанное стремление и восхождение к Богу, силою – сеяние и раздаяние слова. И потому мне не коснея можно сказать: по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их, и в концы вселенным глаголы его, что св. Павел сказал об апостолах (Римл. 10, 18)... – Когда имею в руках его Шестоднев и произношу устно: тогда беседую с Творцом, постигаю законы творения и дивлюсь Творцу более, нежели прежде – имел своим наставником одно зрение. Когда имею пред собою его обличительные слова на лжеучителей: тогда вижу содомский огонь, которым испепеляются лукавые и беззаконные языки. Когда читаю слова о Духе: тогда Бога, Которого имею, обретаю вновь и чувствую в себе дерзновение вещать истину, восходя по степеням его Богословия и созерцания. Когда читаю прочие его толкования, которые он уясняет и для людей малозрящих: тогда убеждаюсь не останавливаться на одной букве, и смотреть не на поверхность только, но простираться далее, из одной глубины поступать в новую, призывая бездною бездну и приобретая светом свет, пока не достигну высшего смысла. Когда займусь его похвалами подвижникам, тогда забываю тело, беседую с похвляемыми, возбуждаюсь к подвигу. Когда читаю нравственные и деятельные его слова: тогда очищаюсь в душе и теле, делаюсь благоугодным для Бога храмом, органом, в который ударяет Дух песнословцем Божиим славы и Божиего могущества, и чрез то преобразуюсь, прихожу в благоустройство, из одного человека делаюсь другим, изменяюсь Божественным изменением» (Надгробное слово Григория Богослова св. Василию).

³⁶ Архидиаконы имели в древней церкви большое значение, как ближайшие помощники епископов.

Архиепископ призвал после сего к себе Василия и Еввула и начал рассуждать с ними о Писании, желая узнать, насколько они понимают его. Слыша их речи, он дивился глубине их премудрости и, оставив их у себя, относился к ним с особым почтением. Василий же, пребывая в Кесарии, вел такую же жизнь, какой он научился у многих подвижников, когда путешествовал по Египту, Палестине, Сирии и Месопотамии и присматривался к жившим в тех странах отцам-подвижникам. Так, подражая их жизни, он был добрым иноком и архиепископ Кесарии, Евсевий,³⁷ поставил его пресвитером и руководителем иноков в Кесарии. Приняв сан пресвитера, святой Василий все время свое посвящал трудам сего служения, так что отказывался даже от переписки со своими прежними друзьями.³⁸ Попечение об иноках, им собранных, проповедание слова Божиего, и другие пастырские заботы не позволяли ему отвлекаться к посторонним занятиям. При этом на новом поприще он скоро приобрел себе такое уважение, каким не пользовался и сам архиепископ, еще не довольно опытный в делах церковных, так как он избран был на престол Кесарийский из оглашенных. Но едва прошел год его пресвитерства, как епископ Евсевий начал по немощи человеческой завидовать и недоброжелательствовать Василию. Святой Василий, узнав о сем и не желая быть предметом зависти, ушёл в Ионийскую пустыню.³⁹ В Ионийской пустыне Василий удалился к реке Ирису, – в местность, в которой прежде его уединились его мать Еммелия и сестра его Макрина, – и которая им и принадлежала. Макрина устроила тут монастырь. Вблизи его, при подошве высокой горы, покрытой частым лесом и орошаемой холодными и прозрачными водами, поселился Василий. Пустыня так была приятна Василию своим невозмутимым безмолвием, что он предполагал окончить здесь дни свои. Здесь он подражал подвигам тех великих мужей, которых видел в Сирии и Египте. Он подвизался в крайнем лишении, имея для покрытия себя одну одежду – срачицу и мантию; носил и власяницу, но только ночью, чтобы её было не видно; питался хлебом и водою, приправляя эту скудную пищу солью и кореньями. От строгого воздержания он сделался весьма бледен и тощ, и пришел в крайнее изнеможение. Никогда не ходил он в баню и не зажигал огня. Но Василий жил не для одного себя: он собрал в общежитие иноков; своими письмами привлек к себе в пустыню и друга своего Григория.

В своем уединении Василий и Григорий все делали вместе; вместе молились; оба оставили чтение мирских книг, за которыми прежде много тратили времени, и стали единственно заниматься Священным Писанием. Желая лучше изучить его, они читали сочинения пред-

³⁷ Евсевий был взят на кафедру епископа, по требованию народа, прямо с гражданской службы и потому не мог иметь особого авторитета как богослов и учитель веры.

³⁸ Одним из важнейших его занятий в это время было проповедание слова Божиего. Часто он проповедовал не только каждодневно, но и по два раза в день, утром и вечером. Иногда после проповеди в одной церкви, он приходил проповедовать в другой. В своих поучениях Василий живо и убедительно для ума и сердца раскрывал красоту добродетелей христианских и обличал гнусность пороков; предлагал побуждения стремиться к первым удаляться последних и всем указывал пути к достижению совершенства, так как сам был опытный подвижник. Самые толкования его направлены, прежде всего, к духовному назиданию его слушателей. Объясняет ли он историю миротворения, – он ставляет себе целью, во-первых, показать, что «мир есть училище Боговедения» (беседа 1-я на Шестоднев), и чрез то возбудить в своих слушателях благоговение к премудрости и благодати Творца, раскрывающимся в Его творениях, малых и великих, прекрасных, разнообразных, бесчисленных. Во-вторых, он хочет показать, как природа всегда учит человека доброму нравственному житию. Образ жизни, свойства, привычки четвероногих животных, птиц, рыб пресмыкающихся, все, – даже бывшее однодневное, – подает ему случай к извлечению назидательных уроков для господина земли – человека. Объясняет ли он книгу Псалмов, которая, по его выражению, совмещает в себе все, что есть полезного в других: и пророчества, и историю, и назидание, – он преимущественно прилагает изречения Псалмопевца к жизни, к деятельности христианина.

³⁹ Понт – область в Малой Азии, по южному берегу Черного моря, недалеко от Неокесарии. Пустыня Понтийская была бесплодна, и климат её был далеко не благоприятен для здоровья. Хижина, в которой здесь жил Василий, не имела ни крепких дверей, ни настоящего очага, ни кровли. За трапезой подавалось, правда, какое-то горячее кушанье, но, по словам Григория Богослова, с таким хлебом, по кускам которого, от крайней его черствости, зубы сначала скользили, а потом вязли в них. Кроме общих молитв, чтения св. Писания, ученых трудов Василий Великий и Григорий Богослов и другие тамошние иноки занимались здесь сами носкою дров, тесанием камней, уходом за огородными овощами, и сами на себе возили огромную телегу с навозом.

шествовавших им по времени отцов и писателей церковных, особенно Оригена. Здесь же Василий и Григорий, руководимые Святым Духом, написали уставы иноческого общежития, которыми иноки Восточной Церкви большею частью руководствуются и ныне.⁴⁰

В отношении к жизни телесной, Василий и Григорий находили удовольствие в терпении; работали своими руками,нося дрова, обтесывая камни, сажая и поливая деревья, таская навоз, возя тяжести, так что мозоли на руках их долго оставались. Жилище их не имело ни кровли, ни ворот; никогда не было там ни огня, ни дыма. Хлеб, который они ели, был так сух и худо пропечен, что его едва можно было жевать зубами.

Наступило, однако, время, когда оба, Василий и Григорий, должны были покинуть пустыню, так как их услуги были потребны для Церкви, которая в то время была возмущаема еретиками. Григория на помощь православным взял к себе в Назианз отец его, Григорий, человек уже старый и потому не имевший силы с твердостью бороться с еретиками; Василия же уговорил возвратиться к себе Евсевий, архиепископ Кесарийский, примирившийся с ним в письме и просивший его помочь Церкви, на которую ополчились ариане.⁴¹ Блаженный Василий, видя такую нужду Церкви и предпочитая ее пользе пустынножизни, оставил уединение и пришел в Кесарию, где много потрудился, словами и сочинениями ограждая православную веру от ереси. Когда же преставился архиепископ Евсевий, на руках Василия предав дух свой Богу, то на престол архиепископский был возведен и посвящен собором епископов Василий. Среди тех епископов был и престарелый Григорий, отец Григория Назианзина. Будучи слаб и утружден старостью, он повелел препроводить его в Кесарию, чтобы убедить Василия принять архиепископство и воспрепятствовать возведению на престол кого-либо из ариан.

Василий успешно правил Церковью Христовой, брата же своего, Петра, он посвятил в пресвитера, чтобы он помогал ему в трудах по делам Церкви, а впоследствии поставил его епископом города Севастии.⁴² В это время мать их, блаженная Еммелия, отошла к Господу, проживши более 90 лет.

Спустя несколько времени, блаженный Василий просил у Бога просветить его разум для того, чтобы он мог совершать приношение бескровной жертвы Богу собственными своими словами, и чтобы ему для сего была ниспослана благодать Святого Духа.⁴³ Чрез шесть дней в седьмой, когда Василий, стоя пред престолом в храме, начал совершать предложение хлеба и чаши, ему в видении явился Сам Господь с апостолами и сказал:

– По просьбе твоей, уста твои пусть наполнятся хвалою, чтобы ты мог совершать бескровное служение, произнося свои молитвословия.

После сего Василий начал говорить и записывать такие слова: «Да исполнятся уста мои хвалением, да воспою славу твою», «Господи Боже наш, создавай нас и введи в жизнь

⁴⁰ Правила эти служили и служат руководством для жизни иноков всего Востока и, в частности, для наших русских иноков. В своих правилах Василий отдает преимущество общежительной жизни пред отшельнической и уединенной, так как, живя вместе с другими, иннок имеет более возможности служить делу христианской любви. Василий устанавливает для иноков обязанность беспрекословного послушания настоятелю, предписывает быть гостеприимными по отношению к странникам, хотя запрещает подавать им особые кушанья. Пост, молитва и постоянный труд – вот чем должны заниматься иноки, по правилам Василия, причем, однако, они не должны забывать и о нуждах окружающих их несчастных и больных, нуждающихся в уходе.

⁴¹ Еретики-ариане учили, что Христос был существо сотворенное, не вечно сущее и не одной и той же природы с Богом Отцом. Имя свое эта ересь получила от пресвитера Александрийской церкви Ария, который начал проповедовать эти мысли в 319-м году.

⁴² Севастия – город в Каппадокии.

⁴³ Прокл, архиепископ Константинопольский (в половине V века) говорит, что св. Василий составил литургию более краткую в виду того, что многие христиане его времени стали выражать недовольство свое долгою службой церковной. Для сего он сократил обычные общественные молитвы, расширив в то же время молитвы священнослужителей. – Кроме литургий, Василий Великий составил: а) молитву пред приобщением; б) молитвы в навечерье Пятидесятницы и в) молитву и заклинание над бесноватым.

сию» и другие молитвы святой литургии. По окончании молитвы, он воздвиг хлеб, усердно молясь такими словами: «Услышь, Господи Иисусе Христе Боже наш, в небесах жилища Твоего и у престола царствия Твоего, и приди освятить нас, и на горе этой восседай и здесь с нами невидимым пребывай: и сподоби рукою Своей преподать нам пречистое тело Твое и кровь всем нам людям».⁴⁴ Когда святитель совершал сие, Еввул с высшими клириками увидели свет небесный, озарявший алтарь и святителя и неких светлых мужей в белых ризах, которые окружали святого Василия. Увидев сие, они пришли в большой ужас и пали ниц, проливая слезы и прославляя Бога.

В то время Василий, призвав золотых дел мастера, приказал ему изготовить из чистого золота голубя – во образ того голубя, который явился над Иорданом, – и поместил его над святым престолом, дабы он как бы охранял Божественные Тайны.

Господь Бог некоторыми чудесными знаменами засвидетельствовал еще при жизни Василия об его святости. Однажды, когда он совершал божественную службу, некий еврей, желая узнать, в чем состоят святые тайны, присоединился к прочим верующим, как бы христианин, и, войдя в церковь, увидел, что святой Василий держит в своих руках младенца и раздробляет его на части. Когда верующие стали причащаться из рук святого, подошел и еврей, и святитель подал ему, как и прочим христианам, часть святых даров. Приняв их в руки, еврей увидел, что это была действительно плоть, а когда приступил к чаше, то увидел, что в ней была действительно кровь. Он спрятал остаток от святого причащения и, придя домой, показал его жене своей и рассказал ей обо всем, что видел своими глазами. Уверовав, что христианское таинство есть действительно страшное и славное, он пошел на утро к блаженному Василию и умолял удостоить его святого крещения. Василий же, воздав благодарение Богу, немедленно окрестил еврея со всем его семейством.

Когда святой однажды шел по дороге, некая бедная женщина, обиженная одним начальником припала к ногам Василия, умоляя его о том, чтобы он написал о ней начальнику, как человек, которого тот весьма уважал. Святой, взяв хартию,⁴⁵ написал к начальнику следующее: «сия убогая женщина явилась ко мне, говоря, что письмо мое имеет для тебя большое значение. Если это так, то докажи мне то на деле и окажи милость этой женщине». Написав сии слова, святой отдал хартию той бедной женщине, и она, взявши, снесла ее начальнику. Прочитав письмо, тот написал в ответ святому так: «согласно письму твоему, святой отче, я хотел бы оказать милость той женщине, но не могу сего сделать, потому что она подлежит общенародной подати». Святой снова написал ему следующее: «хорошо, если ты хотел, но не мог сделать; а если ты и мог, но не захотел, то Бог поставит тебя самого в число нуждающихся, так что ты не сможешь сделать того, что захочешь». Эти слова святителя вскоре исполнились: немного времени спустя после сего, царь разгневался на того начальника, ибо узнал, что он учиняет большие притеснения народу, и заключил его в узы, дабы он заплатил всем, кого обидел. Начальник же из заключения послал к святому Василию прошение, чтобы он сжалился над ним и своим ходатайством умилиствовал царя. Василий поспешил попросить за него царя, и чрез шесть дней пришел указ, освобождавший начальника от осуждения. Начальник, увидев как милостив к нему святой, поспешил к нему, чтобы принести ему благодарность, а вышеупомянутой бедной женщине отдал из своего имения вдвое против того, что взял с нее.

В то время, как сей угодник Божий, Великий Василий мужественно боролся в Кесарии Каппадокийской за святую веру Христову,⁴⁶ царь Юлиан Отступник, богохульник и великий

⁴⁴ Молитва на литургии св. Василия Великого.

⁴⁵ Хартия – папирусная бумага или пергамент, на котором писали в древности; рукопись, свиток (3 Мак.4:15; 2 Иоан. 1:12).

⁴⁶ «Если бы не Василий – говорит церковный историк Созомен, – то ересь Евномия распространилась бы до Тавра, и ересь Аполлинария – от Тавра до Египта».

гонитель христиан,⁴⁷ похвалявшийся тем, что он погубит христиан, шел войною на Персов. Святой Василий тогда молился в церкви пред иконою Пресвятой Богородицы, у ног Которой было изображение и святого великомученика Меркурия в виде воина с копьем.⁴⁸ Молился же он о том чтобы Бог не попустил гонителю и губителю христиан Юлиану возвратиться живым с Персидской войны. И вот он увидел, что образ святого Меркурия, стоявшего близ Пресвятой Богородицы, изменился, и изображение мученика на некоторое время стало невидимо. Спустя немного времени, мученик снова появился, но с окровавленным копьем. В это самое время Юлиан был пронзен на Персидской войне святым мучеником Меркурием, посланным Пречистою Девою Богородицею погубить врага Божиего.

Имел святой Василий Великий и такой благодатный дар. Когда он во время литургии возносил святыя дары, то золотой голубь с божественными дарами, висевший над святым престолом, движимый силою Божьею, сотрясался три раза. Однажды, когда Василий служил и возносил святыя дары, обычного знамения с голубем, который своим сотрясением указывал сошествие Святого Духа, не было. Когда Василий размышлял о причине сего, то увидел, что один из диаконов, державших рипиды,⁴⁹ смотрел на одну женщину, стоявшую в церкви. Василий повелел тому диакону отступить от святого жертвенника и назначил ему епитимию – семь дней поститься и молиться, проводить целые ночи без сна в молитве и из имения своего раздавать милостыню нищим. С того времени святой Василий повелел устроить в церкви пред алтарем завесу и перегородку, для того чтобы ни одна женщина не могла смотреть в алтарь во время совершения божественной службы; непослушных же повелел выводить из церкви и отлучать от святого причащения.⁵⁰

В то время, как святой Василий был епископом, Церковь Христову смущал царь Валент,⁵¹ ослепленный арианской ересью. Он, свергнув много православных епископов с их престолов, возвел на их места ариан, а иных, малодушных и боязливых, заставил присоединиться к его ереси. Он гневался и мучился внутренне, видя, что Василий безбоязненно пребывает на своем престоле, как непоколебимый столп своей веры, и подкрепляет и увещевает других гнушаться арианством, как ненавистным для Бога лжеучением. Обходя свои владения, и чрезвычайно притесняя повсюду православных, царь, по дороге в Антиохию, прибыл в Кесарию Каппадокийскую и здесь стал употреблять все меры к тому, чтобы склонить Василия на сторону арианства. Он внушил своим воеводам, вельможам и советникам, чтобы они то мольбами и обещаниями, то угрозами побудили Василия исполнить желание царя. И царские единомышленники настойчиво убеждали святого к этому; кроме того, некоторые благородные женщины, пользовавшиеся расположением царя, стали посылать своих евнухов к святому, настойчиво советуя ему, чтобы он мыслил за одно с царем. Но никто не мог заставить этого непоколебимого в своей вере иерарха отпасть от православия. Наконец епарх Модест⁵² призвал Василия к себе и, после того как оказался не в состоянии склонить

⁴⁷ Юлиан Отступник царствовал с 361 по 363 г. Сделавшись императором, он отступил от христианской веры и поставил задачею своей жизни восстановление язычества; посему он и называется «Отступником».

⁴⁸ Святой Меркурий воин пострадал мученическою смертью в Кесарии Каппадокийской. Память его 24-го ноября.

⁴⁹ Рипида – (греч. опахало, оружие для отогнания мух). Это – металлические на довольно длинных рукоятках круги с изображением на них жесткокрылых серафимов. Ими диаконы при архиерейском служении веют, колеблют над св. дарами, чтобы в них не упало какое-либо насекомое; вместе с тем рипиды напоминают нам, что при священнодействии литургии присутствуют и сослужат нам св. ангелы, изображения которых имеются на рипидах. Рипиды употребляются при архиерейском служении; при служении священника их заменяет покровец.

⁵⁰ Завесы были, собственно, устроены пред тем отделением храма, где стояли женщины; эти завесы опускались во время совершения таинства Евхаристии, и женщинам под угрозою удаления из храма, запрещено было в это время приподымать их. Алтарь же от остального пространства церкви отделяла сквозная решетка, которая и превратилась впоследствии в нынешний иконостас.

⁵¹ Император Валент царствовал с 364 по 378 год.

⁵²

его льстивыми обещаниями к отпадению от православия, начал с яростью грозить ему отнятием имущества, изгнанием и смертью. Святой же на угрозы его дерзновенно отвечал:

– Если ты отнимешь у меня имение, то и себя этим не обогатишь, и меня не сделаешь нищим. Полагаю, что тебе не нужны эти ветхие мои одежды и несколько книг, в которых заключается все мое богатство. Ссылки нет для меня, потому что я не связан местом и то место, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни сошлют, будет мое. Лучше же сказать: везде место Божие, где ни буду *«странником и пришельцем»* (Пс.38:13). А мучения что могут сделать мне? – я так слаб, что разве только первый удар будет для меня чувствителен. Смерть же для меня – благодеяние: она скорее приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь, и к Которому давно я стремлюсь.

Изумленный сими словами, правитель сказал Василию:

– Никто так дерзновенно не говорил со мною до сих пор!

– Да, – отвечал святитель, – потому что тебе не случалось ранее говорить с епископом. Во всем ином мы показываем кротость и смирение, но когда речь идет о Боге, и против Него дерзают восставать: тогда мы, все прочее вменяя ни за что, взираем только на Него Единого; тогда огонь, меч, звери и железо, терзающие тело, скорее будут радовать нас, нежели устрашать.

Донося Валенту о непреклонности и неустрашимости святого Василия, Модест сказал:

– Победены мы, царь, настоятелем Церкви. Этот муж выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений.

После сего царь запретил тревожить Василия и, хотя не принял общения с ним, стыдясь показать себя переменившимся, но стал искать оправдания более благоприличного.

Наступил праздник Богоявления Господня. Царь со свитою своею вошел в церковь, где служил Василий и, вступив в среду народа, сим самым хотел показать вид единения с Церковью. Взирая на благолепие и порядок церковный и внимая пению и молитвам верных, царь дивился, говоря, что в своих арианских церквях он никогда не видал такого порядка и благолепия. Святой Василий, подойдя к царю, начал беседовать с ним, поучая его от Священного Писания; слушателем этой беседы был и Григорий Назианзин, случайно бывший там в то время, который и написал об этом. С того времени царь стал лучше относиться к Василию. Но, удалившись в Антиохию, он снова раздражился против Василия, будучи возбужден к этому злыми людьми, поверив доносам которых он и осудил Василия на изгнание. Но когда царь хотел подписать этот приговор, престол, на котором он сидел, закачался и сломалась трость,⁵³ которою он должен был сделать подпись. Взял царь другую трость, но и с тою было тоже; то же случилось и с третьей. Потом у него задрожала рука, и страх напал на него; увидев в этом силу Божию, царь разорвал хартию. Но враги православия опять стали настойчиво докучать царю относительно Василия, чтобы он не оставлял его в покое, и от царя был послан один сановник по имени Анастасий, чтобы привести Василия в Антиохию. Когда сей сановник пришел в Кесарию и возвестил Василию о повелении царя, святой отвечал:

– Я, сын мой, несколько времени назад узнал, что царь, послушавшись совета неразумных людей, сломал три трости, желая подписать указ о моем заточении и помрачить чрез это истину. Бесчувственные трости удержали его неустойчивую стремительность, согласившись лучше переломиться, чем послужить оружием для его несправедливого приговора.

Будучи приведен в Антиохию, Василий предстал на суд епарха, и на вопрос: «почему он не держится той веры, какую исповедует царь?» – отвечал:

⁵³ Орудие, коим древние писали, – нечто в роде пера, карандаша или грифеля (см. Пс. 44, ст. 1–3).

– Никогда не будет того, чтобы я, уклонившись от истинной христианской веры, стал последователем нечестивого арианского учения; ибо я от отцов наследовал веру в единосущие,⁵⁴ которую исповедую и прославляю.

Судья грозил ему смертью, но Василий отвечал:

– Что же? пусть я пострадаю за истину и освобожусь от телесных уз; я давно желаю этого, – только вы не измените своему обещанию.

Епарх донес царю, что Василий не боится угроз, что убеждения его нельзя изменить, что сердце его непреклонно и твердо. Царь, вспыхнув гневом, стал думать о том, как бы погубить Василия. Но в это самое время сын царя, Галат, внезапно заболел и врачи уже обрекли его на смерть. Его мать, придя к царю, с раздражением говорила ему:

– Так как ты неправильно веруешь и гонишь архиерея Божиего, то за это отрок и умирает.

Услышав сие, Валент призвал Василия и сказал ему:

– Если Богу угодно учение твоей веры, то исцели своими молитвами сына моего!

Святой отвечал:

– О царь! Если ты обратишься в православную веру и даруешь покой церквям, то сын твой останется жив.

Когда царь обещался это исполнить, святой Василий тотчас же обратился к Богу с молитвою, и Господь послал царскому сыну облегчение в болезни. После сего Василий отпущен был с почестями на свой престол. Ариане, слыша и видя сие, воспламенились завистью и злобою и говорили царю:

– И мы могли бы это сделать!

Они снова прельстили царя, так что он не воспрепятствовал им совершить крещение над своим сыном. Но когда ариане взяли царского сына, чтобы окрестить его, он тотчас же умер на руках у них. Это видел своими очами вышеупомянутый Анастасий и рассказал о сем царю Валентиниану,⁵⁵ царствовавшему на западе, брату восточного царя, Валента. Валентиниан же, удивившись такому чуду, прославил, Бога, а святому Василию, через Анастасия, послал большие дары, приняв которые Василий в городах своей епархии устроил больницы и дал там приют многим немощным и убогим.

Блаженный Григорий Назианзин сообщает еще, что святой Василий и того епарха Модеста, который был так суров к святому, исцелил молитвою от тяжелой болезни, когда тот в болезни своей со смирением искал помощи от его святых молитв.

По прошествии некоторого времени, на место Модеста был поставлен епархом родственник царя, по имени Евсевий. В Кесарии в его время жила одна вдова, – юная, богатая и очень красивая, по имени Вестиана, дочь Аракса, который был членом сената. Эту вдову епарх Евсевий хотел силою выдать замуж за одного сановника, она же, будучи целомудренна, и желая сохранить чистоту вдовства своего незапятнанною, во славу Божию, не хотела выходить замуж. Когда она узнала, что ее хотят похитить силою и принудить к вступлению в брак, то убежала в церковь и припала к стопам архиерея Божиего, святого Василия.⁵⁶ Он же, приняв ее под свою защиту, не хотел выдать ее из церкви пришедшим за нею людям, а потом тайно отослал ее в девичий монастырь, к сестре своей, преподобной Макрине. Разгневавшись на блаженного Василия, епарх послал воинов взять ту вдову из церкви силою, а когда там она не была найдена, повелел искать ее в опочивальне святого. Епарх, как человек безнравственный, думал, что Василий с греховным намерением удержал ее у себя и скрыл

⁵⁴ Т. е., что Сын Божий единосущен Богу Отцу и равен ему.

⁵⁵ Валентиниан царствовал с 364 до 375 г.

⁵⁶ Церквям в древности, со времени Константина Великого, было предоставлено так называемое право убежища: невинно преследуемые скрывались в них и начальство имело таким образом время убедиться в их невинности.

в своей опочивальне. Не найдя, однако, ее нигде. Он призвал Василия к себе и с великою яростью бранил его, угрожал отдать его на мучение, если тот не выдаст ему вдову. Но святой Василий показал себя готовым на муки.

– Если ты повелишь строгать железом мое тело, – сказал он, – то этим уврачуешь мою печень, которая, как видишь, сильно беспокоит меня.⁵⁷

В это время граждане, узнав о происшествии, устремились все – не только мужчины, но и женщины – ко дворцу епарха с оружием и дрекольем намереваясь умертвить его за святого отца и пастыря своего. И если бы святой Василий не успокоил народ, то епарх был бы убит. Последний же, увидев такое возмущение народное, весьма испугался и отпустил святого невредимым и свободным.

Елладий, очевидец чудес Василия и преемник его на епископском престоле, муж добродетельный и святой, рассказывал следующее. Один православный сенатор по имени Протерий, посещая святые места, вознамерился отдать дочь свою на служение Богу в один из монастырей; диавол же, исконный ненавистник добра, возбудил в одном рабе Протерия страсть к дочери господина своего. Видя несбыточность своего желания, и не смея ничего сказать о своей страсти девице, раб пошел к одному волшебнику, жившему в том городе, и рассказал ему о своем затруднении. Он обещал волшебнику много золота, если тот своим волшебством поможет ему жениться на дочери господина своего. Волшебник сначала отказывался, но, наконец, сказал:

– Если хочешь, то я пошлю тебя к господину моему, диаволу; он тебе в этом поможет, если только и ты исполнишь его волю.

Несчастный же раб тот сказал:

– Все, что он ни повелит мне, обещаюсь исполнить.

Волшебник сказал тогда:

– Отречешься ли ты от Христа своего и дашь ли в том расписку?

Раб же сказал:

– Готов и на это, лишь бы только получить желаемое.

– Если ты даешь такое обещанье, – сказал волшебник, – то и я буду тебе помощником.

Потом, взяв хартию, он написал диаволу следующее:

– Так как я должен, владыка мой, стараться о том, чтобы отторгать людей от христианской веры и приводить их под твою власть, для умножения твоих подданных, то я посылаю тебе ныне подателя сего письма, юношу, разожженного страстью к девице, и прошу за него, чтобы ты оказал ему помощь в исполнении его желаний. Чрез это и я прославлюсь, и к тебе привлеку больше почитателей.

Написав такое послание к диаволу, волшебник отдал его тому юноше и послал его с такими словами:

– Иди в этот ночной час и стань на еллинском кладбище,⁵⁸ подняв кверху хартию; тогда сейчас же тебе явятся те, кои проведут тебя к диаволу.

Несчастный раб быстро пошел и, остановившись на кладбище, начал призывать бесов. И тотчас предстали пред ним лукавые духи и с радостью повели обольщенного к своему князю. Увидев его, сидевшего на высоком престоле, и тьмы окружавших его злых духов, раб отдал ему письмо от волшебника. Дьявол, взяв письмо, сказал рабу:

– Веруешь ли в меня?

Тот же ответил: «верую».

Дьявол снова спросил:

⁵⁷ Василий Великий был человек крайне болезненный и часто совсем лишался телесных Сил. «Непрерывные и сильные лихорадки, – писал он сам, – так изнурили мое тело, что я не отличаюсь от паутины. Всякий путь для меня непроходим, всякое дуновение ветра опаснее, чем тревожение для пловцов... У меня болезнь следует за болезнью».

⁵⁸ Могилы язычников, как нечистые, считались у древних христиан любимым местопребыванием демонов.

– Отрекаешься ли от Христа своего?

– Отрекаюсь, – ответил раб.

Тогда сатана сказал ему:

– Часто вы обманываете меня, христиане: когда просите у меня помощи, то приходите ко мне, а когда достигнете своего, то опять отрекаетесь от меня и обращаетесь к вашему Христу, Который, как добрый и человеколюбивый, принимает вас. Дай же мне расписку в том, что ты добровольно отрекаешься от Христа и крещения и обещаешь быть моим на веки и со дня судного будешь терпеть со мною вечную муку: в таком случае я исполню твое желание.

Раб, взяв хартию, написал то, чего хотел от него диавол. Тогда погубитель душ змей древний (т. е. диавол), послал бесов прелюбодеяния, и они возбудили в девице такую сильную любовь к отроку, что она, от плотской страсти, упала на землю и стала кричать отцу своему:

– Пожалей меня, пожалей дочь твою и выдай меня замуж за нашего раба, которого я со всею силою полюбила. Если же ты этого для меня, единственной твоей дочери, не сделаешь, то увидишь меня скоро умершею от тяжких мучений и отдашь за меня ответ в день судный.

Услышав это, отец пришел в ужас и с плачем говорил:

– Горе мне, грешному! что такое случилось с моей дочерью? Кто украл у меня мое сокровище? Кто прельстил мое дитя? Кто помрачил свет очей моих? Я хотел, дочь моя, обручить тебя Небесному Жениху, чтобы ты была подобна ангелам и в псалмах и песнопениях духовных (Еф.5:19) прославляла Бога, и сам я ради тебя надеялся получать спасение, а ты бесстыдно твердишь о замужестве! Не своди меня с печалей в преисподнюю, чадо мое, не срами своего благородного звания, выходя за раба.

Она же, не обращая внимания на слова родителя, говорила одно:

– Если не сделаешь по моему желанию, то я убью себя.

Отец, не зная, что делать, по совету своих родственников и друзей, согласился лучше исполнить её волю, чем видеть ее умирающе лютою смертью. Призвав раба своего, он отдал ему в жены дочь свою и большое имение и сказал дочери:

– Иди же, несчастная, замуж! Но я думаю, что ты станешь после сильно раскаиваться в своем поступке, и что тебе не будет от этого пользы.

Спустя некоторое время после того, как этот брак совершился и дьявольское дело исполнилось, было замечено, что новобрачный не ходит в церковь и не причащается святых Таин. Об этом было заявлено и несчастной жене его:

– Разве ты не знаешь, – сказали ей, – что муж твой, которого ты выбрала, не христианин, но чужд вере Христовой?

Она же, услышав это, чрезвычайно опечалилась и, упав на землю, начала терзать ногтями лицо свое, без устали бить себя руками в грудь, и вопила так:

– Никто, послушавшийся своих родителей, не мог когда-либо спастись! Кто расскажет о позоре моем отцу моему? Горе мне, несчастной! В какую погибель я попала! Зачем я родилась и для чего не погибла по рождении?

Когда она так рыдала, ее услышал муж её и поспешил к ней спросить о причине её рыданий. Узнав в чем дело, он стал утешать ее, говоря, что ей сказали о нем неправду и убеждал ее, что он – христианин. Она же, немного успокоившись от речей его, сказала ему:

– Если ты хочешь уверить меня вполне и снять печаль с несчастной души моей, то утром иди со мной в церковь и причастись предо мною Пречистых Таин: тогда я поверю тебе.

Несчастный муж её, видя, что ему нельзя сокрыть правду, должен был против желания своего, рассказать ей о себе все, – как он предал себя диаволу. Она же, забыв женскую немощь, поспешно отправилась к святому Василию и возопила к нему:

– Сжался надо мною, ученик Христов, сжался над ослушницей воли отца своего, подавшейся бесовскому обольщению! – и рассказала ему все в подробности о своем муже.

Святой, призвав мужа её, спросил его, правда ли то, что о нем говорит его жена. Он со слезами ответил:

– Да, святитель Божий, все это правда! и если я стану молчать, то будут вопить об этом дела мои, – и рассказал все по порядку, как он предался бесам.

Святой же сказал:

– Хочешь ли снова обратиться к Господу нашему, Иисусу Христу?

– Да, хочу, но не могу, – ответил тот.

– Отчего же? – спросил Василий.

– Оттого, – отвечал муж, – что я дал расписку в том, что отрекаюсь от Христа и предаю себя диаволу.

Но Василий сказал:

– Не скорби о сем, ибо Бог – человеколюбив и принимает кающихся.

Жена же, повергшись к ногам святого, умоляла его говоря:

– Ученик Христов! помоги нам, в чем можешь.

Тогда святой сказал рабу:

– Веришь ли в то, что ты можешь еще спастись?

Он же сказал в ответ:

– Верую, господин, помоги моему неверию.

Святой после этого, взяв его за руку, осенил крестным знамением и запер его в комнате, находившейся внутри церковной ограды, заповедав ему непрестанно молиться Богу. Пробыл он и сам три дня в молитве, а потом посетил кающегося и спросил его:

– Как ты чувствуешь себя чадо?

– Я нахожусь в крайне бедственном состоянии, владыка, – отвечал юноша, – не могу я выносить криков бесовских и страхов и стреляния, и ударов кольями. Ибо демоны, держа в руках мою расписку, поносят меня, говоря: «ты пришел к нам, а не мы к тебе!»

Святой же сказал:

– Не бойся, чадо, а только веруй.

И, давши ему немного пищи, осенил его крестным знамением и опять запер его. Чрез несколько дней он снова посетил его и сказал:

– Как живешь ты, чадо?

Тот ответил:

– Издали я слышу еще угрозы и крик их, но самих не вижу.

Василий, дав ему немного пищи, и помолившись за него, опять запер его и ушел. Потом он пришел к нему на сороковой день и спросил его:

– Как живешь ты, чадо?

Он же сказал:

– Хорошо, отец святой, ибо я видел тебя во сне, как ты боролся за меня и одолел диавола.

Сотворив молитву, святой вывел его из затвора и привел в келию. На утро он созвал весь причт церковный, иноков и всех людей христолюбивых и сказал:

– Прославим брат, человеколюбца Бога, ибо вот теперь Добрый Пастырь хочет принять на рамо погибшее овца⁵⁹ и принести его в церковь: в эту ночь мы должны умолять его благость, чтобы Он победил и посрамил врага душ наших.

Верующие собрались в церковь и молились всю ночь о кающемся, взывая: «Господи помилуй».

⁵⁹ Взять на плечи, как пастух восточный берет на плечи к себе уставшую овечку.

Когда наступило утро, Василий, взяв кающегося за руку, повел его со всем народом в церковь, воспевая псалмы и песнопения. И вот диавол бесстыдно пришел туда невидимо со всею своею пагубною силою, желая вырвать юношу из рук святого. Юноша же начал вопить:

– Святитель Божий, помоги мне!

Но диавол с такою дерзостью и бесстыдством вооружился против юноши, что причинял боль и святому Василию, увлекая с собою юношу. Тогда блаженный обратился к диаволу с такими словами:

– Бесстыднейший душегубец, князь тьмы и погибели! Разве не довольно для тебя твоей погибели, какую ты причинил себе и находящимся с тобою? Ужели ты не перестанешь преследовать создания Бога моего?

Дьявол же возопил к нему:

– Обижаешь ты меня, Василий! – и этот голос дьявольский слышали многие. Тогда святитель сказал:

– Да запретит тебе Господь, о диавол!

Дьявол же опять сказал ему:

– Василий, ты обижаешь меня! Ведь не я пришел к нему, а он ко мне: он отрекся от Христа своего, дав мне расписку, которую я имею в руке своей, и которую я в день судный покажу всеобщему Судье.

Василий же сказал:

– Благословен Господь Бог мой! Эти люди до тех пор не опустят поднятых к небу рук своих,⁶⁰ пока ты не отдашь ту расписку.

Затем, обратившись к народу, святой сказал:

– Поднимите руки ваши горе и взывайте: «Господи помилуй!» – И вот после того, как народ, поднявши руки к небу, долгое время вопил со слезами: «Господи помилуй!», расписка того юноши, на глазах у всех принеслась по воздуху прямо в руки святителю Василию. Взяв эту расписку, святой возрадовался и воздавал благодарение Богу, а потом в слух всех сказал юноше:

– Знаешь ли, брат эту расписку?

Юноша отвечал:

– Да, святитель Божий, это моя расписка; я написал ее своею собственною рукою.

Василий же Великий тотчас разорвал ее пред всеми на части и, введя юношу в церковь, причастил его Божественными Тайнами и предложил обильную трапезу всем присутствовавшим. После того, дав поучение юноше и указав подобающие правила жизни, возвратил жене его, а тот не умолкая славословил и благодарил Бога.

Тот же Елладий рассказывал о святом Василии еще следующее. Однажды великий отец наш Василий, будучи озарен божественною благодатью, сказал своему клиру:

– Идите, чада, за мною и мы увидим славу Божию, а вместе и прославим Владыку нашего.

С этими словами он вышел из города, но никто не знал, куда он хотел идти. В то время в одном селении жил пресвитер Анастасий с женою Феогнией. Сорок лет они прожили друг с другом в девстве, и многие думали, что Феогния бесплодная, ибо никто не знал хранимого ими в тайне чистого девства. Анастасий же за свою святую жизнь удостоился получить благодать Духа Божиего, и был прозорливцем. Провидя духом, что Василий хочет посетить его, он сказал Феогнии:

– Я иду возделывать поле, а ты, сестра моя, убери дом и, в девятом часу дня, зажегши свечи, выйди на встречу святому архиепископу Василию, ибо он идет посетить нас грешных.

⁶⁰ Древние Христиане имели обычай, во время молитвы воздевать руки свои к небу. Оттуда в нашей Церковной песни говорится: воздаяние рукою моею жертва вечерняя (Стихира на вечерне).

Она удивилась словам господина своего, но исполнила его приказание. Когда святой Василий был не遠далеке от дома Анастасия, Феогния вышла к нему на встречу и поклонилась ему.

– Здорова ли ты, госпожа Феогния? – спросил Василий. Она же, услышав, что он называет ее по имени, пришла в ужас и сказала:

– Я здорова, владыка святой!

Святитель же сказал:

– Где господин Анастасий, брат твой?

Она отвечала:

– Это не брат, а муж мой; он ушел в поле.

Василий же сказал:

– Он дома – не беспокойся!

Услышав это, она еще больше испугалась, ибо поняла, что святой проник в их тайну, и с трепетом припала к ногам святого и сказала:

– Моли за меня, грешную, святитель Божий, ибо я вижу, что ты можешь творить великое и дивное.

Святитель же помолился за нее и пошел дальше. Когда он входил в дом пресвитера, встретил его и сам Анастасий и, поцеловав ноги святого, сказал:

– Откуда мне это, что ко мне пришел святитель Господа моего.

Святитель же, дав ему лобзание о Господе, сказал:

– Хорошо, что я нашел тебя, ученик Христов; пойдем в церковь и совершим службу Божию.

Пресвитер же тот имел обычай поститься все дни недели, кроме субботы и воскресенья, и не вкушал ничего, кроме хлеба и воды. Когда они пришли в церковь, святой Василий повелел Анастасию служить литургию, а тот отказывался, говоря:

– Ты знаешь, владыка, что сказано в Писании: *«меньший благословляется большим»* (Евр. 7:7).

Василий же сказал ему:

– При всех других добрых делах своих имей также и послушание.

Когда Анастасий совершал литургию, то, во время возношения святых Таин святой Василий и прочие, кто был достоин, увидели Пресвятого Духа, сошедшего в виде огня и окружившего Анастасия и святой жертвенник. По окончании божественной службы, все вошли в дом Анастасия, и он предложил трапезу святому Василию и клиру его.

Во время трапезы святой спросил пресвитера:

– Откуда ты имеешь сокровище и каково житие твое? Расскажи мне.

Пресвитер отвечал:

– Святитель Божий! я человек грешный и подлежу общенародным податям; у меня есть две пары волов, из которых с одной я работаю сам, а с другой – мой наемник; то что получаю при помощи одной пары волов, истрачиваю на успокоение странников, а получаемое при помощи другой пары идет на уплату подати: жена моя также трудится со мною, обслуживая странникам и мне.

Василий же сказал ему:

– Зови ее сестрою своею, как это и есть на самом деле, и скажи мне о добродетелях твоих.

Анастасий отвечал:

– Я ничего доброго не сделал на земле.

Тогда Василий сказал:

– Встанем и пойдем вместе, – и, восстав, они пришли к одной из комнат его дома.

– Открой мне двери эти, – сказал Василий.

– Нет, святитель Божий – сказал Анастасий, – не входи туда, потому что там нет ничего, кроме хозяйственных вещей.

Василий же сказал:

– Но я и пришел ради этих вещей.

Так как пресвитер все-таки не хотел открыть дверей, то святой открыл их своим словом и, вошедши, нашел там одного человека, пораженного сильнейшею проказою,⁶¹ у которого уже отпали, изгнивши, многие части тела. О нем не знал никто, кроме самого пресвитера и жены его.

Василий сказал пресвитеру:

– Зачем ты хотел утаить от меня это твоё сокровище?

– Это человек сердитый и бранчивый, – отвечал пресвитер, – и потому я боялся показать его, чтобы он не оскорбил каким либо словом твою святость.

Тогда Василий сказал:

– Добрый подвиг совершаешь ты, но дай и мне в эту ночь послужить ему, дабы и мне быть соучастником в той награде, какую ты получишь.

И так святой Василий остался с прокаженным наедине и, запершись, всю ночь провел в молитве, а на утро вывел его совершенно невредимым и здоровым. Пресвитер же с женою своею и все, бывшие там, увидев такое чудо, прославляли Бога, а святой Василий после дружеской беседы с пресвитером и поучения, данного им присутствовавшим, возвратился в дом свой.

Когда о святом Василии услышал преподобный Ефрем Сирий,⁶² живший в пустыне, то стал молить Бога о том, чтобы Он показал ему, каков есть Василий. И вот однажды, находясь в состоянии духовного восторга, он увидел огненный столп, которого глава доходила до неба, и услышал голос говоривший:

– Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Преподобный Ефрем тотчас же, взяв с собою переводчика, – ибо не умел говорить по-гречески, – пошел в Кесарию и прибыл туда в праздник Богоявления Господня. Став вдали и незамеченный никем, он увидел святого Василия, шедшего в церковь с великою торжественностью, одетого в светлую одежду, и клир его, также облаченный в светлые одежды. Обратившись к сопровождавшему его переводчику, Ефрем сказал:

– Кажется, брат, мы напрасно трудились, ибо это человек столь высокого чина, что я не видел такого.

Войдя в церковь, Ефрем стал в углу, невидимый никем, и говорил сам с собою так:

– Мы, *«перенесшие тягость дня и зной»* (Мф.20:12), ничего не добились, а сей, пользующийся такою славой и честью у людей, есть в то же время столп огненный. Это меня удивляет.

Когда святой Ефрем так рассуждал о нем, от Духа Святого узнал Василий Великий и послал к нему своего архидиакона, сказав:

– Иди к западным вратам церковным; там найдешь ты в углу церкви инока, стоящего с другим человеком, почти безбородого и малого роста. Скажи ему: пойд и взойди в алтарь, ибо тебя зовет архиепископ.

Архидиакон же, с большим трудом протеснившись чрез толпу, подошел к тому месту, где стоял преподобный Ефрем и сказал:

– Отче! пойд, – прошу тебя – и взойди в алтарь: тебя зовет архиепископ.

⁶¹ Проказа – болезнь, разрушающая все тело человека, и притом заразительная.

⁶² Св. Ефрем Сирий – знаменитый христианский подвижник и писатель. Память его 28 января. Назван он Сирином, т. е. сирийцем, потому, что Месопотамия, в которой он родился, в древности причислялась к Сирии.

Ефрем же, чрез переводчика узнав то, что сказал архидиакон, отвечал сему последнему:

– Ты ошибся, брат! мы люди пришлые и незнакомы архиепископу.

Архидиакон пошел сказать о сем Василию, который в то время изыскал народу Священное Писание. И вот преподобный Ефрем увидел что из уст говорившего Василия исходит огонь.

Потом Василий опять сказал архидиакону:

– Иди и скажи пришлому монаху тому: господин Ефрем! прошу тебя – взойди во святой алтарь: тебя зовет архиепископ.

Архидиакон пошел и сказал, как ему было приказано. Ефрем же удивился этому и прославил Бога. Сотворив затем земной поклон, он сказал:

– Воистину велик Василий, воистину он есть столп огненный, воистину Дух Святой говорит его устами!

Потом упросил архидиакона, чтобы тот сообщил архиепископу, что, по окончании святой службы, он хочет в уединенном месте поклониться ему и приветствовать его.

Когда Божественная служба окончилась, святой Василий взошел в сосудохранительницу и, призвав преподобного Ефрема, дал ему целование о Господе и сказал:

– Приветствую тебя, отче, умножившего учеников Христовых в пустыне и силою Христовою изгнавшего из нее бесов! Для чего, отче, ты принял на себя такой труд, явившись увидеть грешного человека? Да воздаст тебе Господь за труд твой.

Ефрем же, отвечая Василию чрез переводчика, сказал ему все, что было у него на сердце, и причастился с своим спутником Пречистыми Тайнами из святых рук Василия. Когда они после в доме Василия сели за трапезу, преподобный Ефрем сказал святому Василию:

– Отче святейший! Одной милости прошу я у тебя – соблаговоли мне дать ее.

Василий Великий сказал ему:

– Скажи, что тебе нужно: я в большом долгу у тебя за труд твой, ибо ты для меня предпринял столь далекое путешествие.

– Я знаю, отче, – сказал достопочтенный Ефрем, – что Бог дает тебе все, что ты просишь у него; а я хочу, чтобы ты умолил его благость о том, чтобы Он подал мне способность говорить по-гречески.

Василий отвечал:

– Прошение твое выше сил моих, но так как ты просишь с твердою надеждою, то пойдем, достопочтенный отец и пустынный наставник, в храм Господень и помолимся ко Господу, Который может исполнить твою молитву, ибо сказано: *«Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их»* (Пс.144:19).

Избрав удобное время, они начали молиться в церкви и молились долго. Потом Василий Великий сказал;

– Почему, честный отче, ты не принимаешь посвящения в сан пресвитера, будучи достоин его?

– Потому что я грешен, владыка! – откачал ему Ефрем чрез переводчика.

– О, если бы и я имел грехи твои! – сказал Василий и прибавил, – сотворим земной поклон.

Когда же они поверглись на землю, святой Василий возложил руку свою на главу преподобного Ефрема и произнес молитву, положенную при посвящении во диакона. Потом он сказал преподобному:

– Повели теперь подняться нам с земли.

Для Ефрема же внезапно стала ясна греческая речь, и он сказал сам по-гречески: «Заступи, спаси, помилуй, сохрани нас, Боже, своей благодатью».⁶³

Все прославили Бога, давшего Ефрему способность понимать и говорить по-гречески. Преподобный же Ефрем пробыл со святым Василием три дня, в духовной радости. Василий поставил его во диакона, а переводчика его в пресвитера, и потом с миром отпустил их.

В городе Никее⁶⁴ однажды остановился нечестивый царь, и представители арианской ереси обратились к нему с просьбою о том, чтобы он изгнал из соборной церкви того города православных, а церковь отдал их арианскому собранию. Царь, сам будучи еретиком, так и сделал: силою отнял церковь у православных и отдал ее арианам, а сам отправился в Царьград. Когда все многочисленное общество православных было погружено в великую печаль, в Nikeю пришел общий предстатель и заступник всех церквей, святой Василий Великий; тогда вся православная паства пришла к нему с воплями и рыданиями, и поведала ему о причиненной им от царя обиде. Святой же, утешив их своими словами, тотчас пошел к царю в Константинополь и, представ пред ним, сказал:

– *«И могущество царя любит суд»* (Пс.98:4). Зачем же ты, царь, произнес несправедливый приговор, изгнав православных из святой церкви и отдав управление ею неправомыслящим?

Царь же сказал ему:

– Ты снова стал оскорблять меня, Василий! не подобает тебе так поступать.

Василий ответил:

– За правду мне и умереть хорошо.

Когда они состязались и препирались друг с другом, их слушал находившейся там главный царский повар по имени Демосфен. Он, желая помочь арианам, сказал нечто грубое, в укор святому.

Святой же сказал:

– Вот мы видим пред собою и неученого Демосфена.⁶⁵

Пристыженный повар снова проговорил что-то в ответ, но святой сказал:

– Твое дело размышлять о кушаньях, а не заниматься варкою догматов церковных.

И Демосфен, будучи посрамлен, замолчал. Царь, то возбуждаясь гневом, то чувствуя стыд, сказал Василию:

– Поди и разбери дело их; впрочем суди так, чтобы не оказаться помощником своих единоверцев.

– Если я рассужу несправедливо, – отвечал святой, – то пошли и меня в заточение, единоверцев же моих изгони, а церковь отдай арианам.

Взяв царский указ, святой возвратился в Nikeю и, призвав ариан, сказал им:

– Вот, царь дал мне власть учинить суд между вами и православными относительно церкви, которую вы захватили силою.

Они же отвечали ему:

– Суди, но по суду царскому.⁶⁶

Святой сказал тогда:

– Ступайте и вы, ариане, и вы, православные, и затворите церковь; запереv ее, запечатайте печатями: вы – своими, а вы – своими, и поставьте с той и другой стороны надежную стражу. Потом сначала вы, ариане, помолитесь в течение трех дней и трех ночей, а потом подойдите к церкви. И если, по молитве вашей, двери церковные откроются сами собою, то

⁶³ Возглас из малой ектеньи, произносимой диаконом на вечерне в день Пятидесятницы.

⁶⁴ Nikeя – город в Малоазийской провинции Вифинии. Здесь был первый вселенский собор – в 325 году.

⁶⁵ Демосфен был знаменитейший оратор древней Греции; жил от 384–322 до Рождества Христова.

⁶⁶ Т. е. так как судил бы сам царь.

пусть церковь будет на веки вашею: если же этого не случится, то мы тогда помолимся одну ночь и пойдем с литией,⁶⁷ при пении священных песнопений, к церкви; если она откроется для нас, то мы будем владеть ею на веки; если же и нам не откроется, то церковь будет опять ваша.

Это предложение арианам понравилось, православные же огорчились на святого, говоря, что он судил не по правде, а по страху пред царем. Затем, когда обе стороны крепко-накрепко заперли святую церковь, к ней, по запечатывании её, была поставлена бдительная стража. Когда ариане, помолившись три дня и три ночи, пришли к церкви, ничего чудесного не случилось: они молились и здесь с утра до шестого часа, стоя и взывая: господи помилуй. Но двери церковные пред ними не открылись, и они ушли со стыдом. Тогда Василий Великий, собрав всех православных с женами и детьми, вышел из города в церковь святого мученика Диомида⁶⁸ и, там совершив всенощное бдение, утром пошел со всеми к запечатанной соборной церкви, воспевая:

– Святый Боже, святыи крепкий, святыи бессмертный, помилуй нас!

Остановившись пред дверями церковными, он сказал народу:

– Поднимите руки свои к небесам и с усердием взывайте: «Господи помилуй!»

Потом святой повелел всем умолкнуть и, подойдя к дверям, осенил их трижды крестным знаменiem и сказал:

– Благословен Бог христианский всегда, ныне и присно, и во веки веков.

Когда народ воскликнул: «аминь», тотчас сотрясась земля, и начали сокрушаться запоры, выпали затворы, расселись печати и врата открылись, как бы от сильного ветра и бури, так что двери ударились о стены. Святой же Василий начал воспевать:

– *«Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!»* (Пс.23:7).

Затем он вошел в церковь с множеством православных и, совершив божественную службу, отпустил народ с радостью. Бесчисленное же множество ариан, увидев то чудо, отстали от своего заблуждения и присоединились к православным. Когда о таком правосудном решении Василия и о том славном чуде узнал царь, то чрезвычайно удивился и стал хулить арианство; однако, будучи ослеплен нечестием, он не обратился в православие и впоследствии погиб жалким образом. Именно, когда он был поражен и получил рану на войне в стране Фракийской, то убежал и скрылся в сарай, где лежала солома. Преследователи же его окружили сарай и подожгли его, и царь, сгоревши там пошел в огонь неугасимый.⁶⁹ Смерть царя последовала уже по преставлении святого отца нашего Василия, но в тот же год, в который преставился и святой.

Однажды перед святым Василием оклеветан был брат его, епископ Севастийский Петр. Про него сказали, что он будто бы продолжает сожителство с женою своею, которую оставил пред посвящением в епископы – епископу же не подобает быть женатым. Услышав о сем, Василий сказал:

– Хорошо, что вы мне об этом сказали; я пойду с вами вместе и обличу его.

Когда же святой подходил к городу Севастии, Петр духом узнал о пришествии брата, ибо и Петр был исполнен Духа Божиего и жил с мнимою женою своею не как с женою, а как с сестрою, целомудренно. Итак, он вышел из города навстречу святому Василию на восемь поприщ⁷⁰ и, увидев брата с большим числом спутников, улыбнулся и сказал:

– Брат, как бы на разбойника ты выступил против меня?

⁶⁷ Лития, с греч. значит усердное моление. Она совершалась обычно вне храма, а теперь совершается в притворе.

⁶⁸ Память Диомида, врача бессребренника и мученика, празднуется 16 августа.

⁶⁹ Это происходило в городе Адрианополе, в нынешней Болгарии.

⁷⁰ Поприще – мера расстояний; оно равнялось нашим 690 саженьям.

Давши друг другу целование о Господе, они вошли в город и, помолившись в церкви святых сорока мучеников, пришли в епископский дом. Василий, увидев невестку свою, сказал:

– Здравствуй, сестра моя, лучше же сказать – невеста Господня; я пришел сюда ради тебя.

Она отвечала:

– Здравствуй и ты, пречестнейший отче; и я давно уже желала облобызать твои честные ноги.

И сказал Василий Петру:

– Прошу тебя, брат ночуй в эту ночь с женой твоей в церкви.

– Я сделаю все, что ты мне повелишь, – отвечал Петр.

Когда наступила ночь, и Петр почивал в церкви с женой своей, там находился и святой Василий с пятью добродетельными мужами. Около полуночи он разбудил этих мужей и сказал им:

– Что вы видите над братом моим и над невесткою моею?

Они же сказали:

– Видим ангелов Божьих, обвевающих их и намащающих ароматами их непорочное ложе.

Василий сказал тогда им:

– Молчите же, и никому не рассказывайте того, что видели.

На утро Василий повелел народу собраться в церковь и принести сюда жаровню с горящими угольями. После этого он сказал:

– Простри, честная невестка моя, свою одежду.

И когда она сделала это, святой сказал держащим жаровню.

– Положите ей в одежду горящих углей.

Они исполнили это повеление. Тогда святой сказал ей:

– Держи эти уголья в своей одежде, до тех пор, пока я тебе скажу.

Потом он снова повелел принести новых горящих углей и сказал брату своему:

– Простри, брат, фелонь твою.⁷¹

Когда тот исполнил это повеление, Василий сказал слугам:

– Высыпьте уголья из жаровни в фелонь, – и те высыпали.

Когда Петр и жена его долгое время держали горящие уголья в одеждах своих и не терпели от этого никакого вреда, народ видевший это, дивился и говорил:

– Господь хранит преподобных Своих и дарует им блага еще на земли.

Когда же Петр с женою своею бросили уголья на землю от них не чувствовалось никакого дымного запаха, и одежды их остались необожженными. Затем Василий повелел вышеупомянутым пяти добродетельным мужам, чтобы они всем рассказали о том, что видели, и те поведали народу, как они видели в церкви ангелов Божьих витавших над одром блаженного Петра и супруги его, и намащавших ароматами непорочное их ложе. После сего все прославили Бога, очищающего угольников Своих от лживой клеветы человеческой.

В дни преподобного отца нашего Василия в Кесарии была одна вдова знатного происхождения, чрезвычайно богатая; живя сластолюбиво, угождал плоти своей, она совершенно поработила себя греху и много лет пребывала в блудной нечистоте. Бог же, Который хочет чтобы все покались (2 Пет.3:8), коснулся Своею благодатью и её сердца, и женщина стала

⁷¹ Фелонь – так называлась в древности вообще верхняя, длинная и широкая одежда, без рукавов, обнимавшая со всех сторон тело. Христианская древность, из благоговения к Спасителю и его апостолам, употреблявшим если не такую, то подобную верхнюю одежду, приняла фелонь в число священных облачений и с древнейших времен усвоила ее, как епископам, так и священникам.

раскаиваться в своей греховной жизни. Оставшись однажды наедине сама с собою, она размышляла о безмерном множестве своих грехов и стала так оплакивать свое положение:

– Горе мне, грешной и блудной! Как стану я отвечать праведному Судии за сделанные мною грехи? Я растлила храм тела моего, осквернила свою душу. Горе мне, самой тягчайшей из грешниц! С кем я могу сравнить себя по своим грехам? С блудницей ли, или с мытарем? Но никто не согрешил так, как я. И – что особенно страшно – я совершила столько зла уже по принятии крещения. И кто возвестит мне, примет ли Бог мое покаяние?

Так рыдая, она припомнила все, что сделала с юности до старости, и, севши, написала это на хартии. После же всего записала один грех самый тяжкий и запечатала эту хартию свинцовою печатью. Затем, выбрав время, когда святой Василий пошел в церковь, она устремилась к нему и, бросившись к его ногам с хартией, восклицала:

– Помилуй меня, святитель Божий, – я согрешила больше всех!

Святой, остановившись, спросил ее, чего она от него хочет; она же, подавая ему в руки запечатанную хартию, сказала:

– Вот владыка, все грехи и беззакония мои я написала на этой хартии и запечатала ее; ты же, угодник Божий, не читай ее и не снимай печати, но только очисти их своею молитвою, ибо я верю, что Тот, Кто подал мне эту мысль, услышит тебя, когда ты будешь молиться обо мне.

Василий же, взяв хартий, поднял очи на небо и сказал:

– Господи! Тебе единому возможно сие. Ибо, если Ты взял на Себя грехи всего мира, то тем боле Ты можешь очистить прегрешения сей единой души, так как все грехи наши, хотя сосчитаны у Тебя, но милосердие Твое безмерно и неизследимо!

Сказав сие, святой Василий вошел в церковь, держа в руках хартию, и, повергшись пред жертвенником, всю ночь провел в молитве о той женщине.

На утро, совершив божественную службу, святитель призвал женщину и отдал ей запечатанную хартию в том виде, в каком получил ее, и при этом сказал ей:

– Ты слышала, женщина, что *«никто может прощать грехи, кроме одного Бога»* (Мрк.2:7).

Она же сказала:

– Слышала, честный отче, и поэтому-то я обеспокоила тебя просьбою умолить Его благость.

Сказав это, женщина развязала хартию свою и увидела, что грехи её были здесь изглажены; не изглажен был только тот тяжкий грех, который был записан ею после. При виде этого, женщина ужаснулась и, ударяя себя в грудь, упала к ногам святого, взывая:

– Помилуй меня, раб Бога Вышнего, и как ты смилоствовал над всеми беззакониями моими и умолил за них Бога, так умоли и о сем, чтобы оно было вполне очищено.

Архиепископ же, прослезившись от жалости к ней, сказал:

– Встань, женщина: я и сам человек грешный, и нуждаюсь в помиловании и прощении; Тот же, Кто очистил прочие твои грехи, может очистить и еще не изглаженный твой грех; если же ты на будущее время будешь беречь себя от греха и начнешь ходить путем Господним, то будешь не только прощена, но и сподобишься небесного прославления. Вот что я тебе советую: ступай в пустыню: там найдешь ты мужа святого, по имени Ефрем; отдай ему эту хартию и проси его, чтобы он испросил тебе помилование у Человеколюбца Бога.

Женщина, по слову святого, пошла в пустыню и, пройдя большое расстояние, нашла келью блаженного Ефрема. Постучавшись в дверь, она сказала:

– Помилуй меня грешную, преподобный отче!

Святой Ефрем, узнав духом своим о цели, с какою она пришла к нему, отвечал ей:

– Отойди от меня, женщина, ибо я – человек грешный и сам нуждаюсь в помощи других людей.

Она бросила тогда пред ним хартию и сказала:

– Меня послал к тебе архиепископ Василий, чтобы ты, помолившись Богу, очистил грех мой, который написан в этой хартии; остальные грехи очистил он, а ты об одном грехе не откажи помолиться, ибо я к тебе послана.

Преподобный же Ефрем сказал:

– Нет, чадо, тот, кто мог умолить Бога о многих твоих грехах, тем более может умолить об одном. Итак, ступай, ступай немедленно, чтобы застать его в живых прежде, чем он отойдет ко Господу.

Тогда женщина, поклонившись преподобному, возвратилась в Кесарию.

Но пришла она сюда как раз к погребению святого Василия, ибо он уже преставился, и святое тело его несли к месту погребения. Встретив погребальное шествие, женщина громко зарыдала, бросилась на землю и говорила святому, как бы живому:

– Горе мне, святитель Божий! горе мне, несчастной! Для того ли ты отослал меня в пустыню, чтобы, не тревожимый мною, ты мог выйти из тела? И вот я воротилась с пустыми руками, напрасно совершив трудное путешествие в пустыню. Пусть увидит это Бог и пусть рассудит Он между мною и тобою в том, что ты, имея возможность сам подать мне помощь, отослал меня к другому.

Так вопия, она бросила хартию поверх одра святого, рассказывая всем людям о своем горе. Один же из клириков, желая посмотреть, что было написано в хартии, взял ее и, развязав не нашел на ней никаких слов: вся хартия стала чиста.

– Здесь ничего не написано, – сказал он женщине, – и напрасно ты печалишься, не зная проявившегося на тебе неизреченного человеколюбия Божиего.

Весь же народ увидев это чудо, прославил Бога, давшего такую власть рабам Своим и по их преставлении.

В Кесарии жил один еврей, по имени Иосиф. Он был так искусен в науке врачевания, что определял по наблюдению над движением крови в жилах день наступления смерти больного за три или за пять дней, и указывал даже на самый час кончины. Богоносный же отец наш Василий, предвидя будущее его обращение к Христу, очень любил его и, часто приглашая его к беседе с собой, уговаривал его оставить еврейскую веру и принять святое крещение. Но Иосиф отказывался, говоря:

– В какой вере родился я, в той хочу и умереть.

Святой же сказал ему:

– Поверь мне, что ни я, ни ты не умрем, пока ты *«не родишься от воды и духа»* (Иоан.3:5): ибо без такой благодати нельзя войти в Царство Божие. Разве отцы твои не крестились *«в облаках и в море»* (1 Кор.10:1)? разве не пили они из камня, который был прообразом духовного камня – Христа, родившегося от Девы ради нашего спасения. Сего Христа твои отцы распяли, но Он, будучи погребен, на третий день воскрес и, взойдя на небеса, сел одесную Отца и оттуда придет судить живых и мертвых.

Много и другого, полезного для души, говорил ему святой, но еврей все пребывал в своем неверии. Когда же наступило время преставления святого, он заболел и призвал к себе еврея, как бы нуждаясь в его врачебной помощи, и он спросила его:

– Что скажешь ты обо мне, Иосиф?

Тот же, осмотрев святого, сказал домашним его:

– Приготовьте все к погребению, ибо с минуты на минуту нужно ожидать его смерти.

Но Василий сказал:

– Ты не знаешь, что говоришь!

Еврей отвечал:

– Поверь мне, владыка, что смерть твоя наступит еще до захода солнца.

Тогда Василий сказал ему:

– А если я останусь жив до утра, до шестого часа, что ты тогда сделаешь?

Иосиф ответил:

– Пусть я умру тогда!

– Да, – сказал на это святой, – умри, но умри греху, чтобы жить для Бога!

– Знаю, о чем ты говоришь, владыка! – отвечал еврей, – и вот я клянусь тебе, что если ты проживешь до утра, я исполню твое желание.

Тогда святой Василий стал молиться Богу о том, чтобы Он продолжил жизнь его до утра для спасения души еврея, – и получил просимое. На утро он послал за ним; но тот не поверил слуге, сказавшему ему, что Василий жив; однако пошел, чтобы увидеть его, как он думал уже умершим. Когда же он увидел его действительно живым то пришел как бы в исступление, а потом, упав в ноги святому, сказал в порыве сердечном:

– Велик Бог христианский, и нет другого Бога, кроме Него! Я отрекаюсь от богопротивного жидовства, и обращаюсь в истинную, христианскую веру. Повели же, святой отец немедленно преподать мне святое крещение, а также и всему дому моему.

Святой Василий сказал ему:

– Я крещу тебя сам своими руками!

Ерей, подойдя к нему, дотронулся до правой руки святого и сказал:

– Силы твои, владыка, ослабели, и все естество твое в конец изнемогло; ты не сможешь окрестить меня сам.

– Мы имеем Создателя, укрепляющего нас, – отвечал Василий.

И, восстав, вошел в церковь и пред лицом всего народа окрестил еврея и всю семью его; он нарек ему имя Иоанн и причастил его Божественных Таин, сам совершив в тот день литургию. Преподав наставление новокрещенному о вечной жизни и обратившись с словом назидания ко всем своим словесным овцам, святитель оставался в церкви до девятого часа. Потом, дав всем последнее целование и прощение, он стал благодарить Бога за все его неизреченные благодеяния и, когда еще слово благодарения было на устах его, предал душу свою в руки Божии и как архиерей присоединился к почившим архиереям, а как великий словесный гром⁷² – к проповедникам в первый день января 379 года, в правление Грациана,⁷³ воцарившегося после отца своего, Валентиниана.

Святой Василий Великий пас церковь Божию восемь лет шесть месяцев и шестнадцать дней, а всех лет жития его было сорок девять.

Новокрещенный же еврей, увидев святого умершим, пал на лицо его и со слезами сказал:

– Воистину, раб Божий Василий, ты и теперь не умер бы, если бы не захотел сам.

Погребенье святого Василия представляло знаменательное событие и показывало, каким высоким уважением пользовался он. Не только христиане, но и иудеи, и язычники толпами стремились на улицу в великом множестве и настойчиво теснились ко гробу почившего святителя. На погребенье Василия прибыл и святой Григорий Назианзин и плакал много по святом. Собравшиеся сюда архиереи воспели надгробные песнопения и погребли честные мощи великого угодника Божия Василия в церкви святого мученика Евпсихия,⁷⁴ восхваляя Бога, Единого в Троице, ему же слава во веки. Аминь.⁷⁵

⁷² Т. е. имевший особенный дар красноречия, убедительности и силы речи.

⁷³ Грациан правил империей (сначала вместе с отцом своим Валентинианом I) с 375 до 383 года.

⁷⁴ Где находятся в настоящее время мощи св. Василия – неизвестно: на Афоне (в лавре св. Афанасия) показывают только главу его; тело же его святое, по сказаниям западных писателей, во время крестовых походов было взято из Кесарии и перенесено крестоносцами на Запад – во Фландрию. – За свои заслуги Церкви и необыкновенную высоконравственную и подвижническую жизнь св. Василий назван Великим и прославляется, как «слава и красота Церкви», «светило и око вселенной», «учитель догматов», «палата учености», «вождь жизни».

⁷⁵ На всенощном бдении на память св. Василия Великого, Церковь произносит в честь Обрезания Господня две паре-

Тропарь, глас 1:

Во всю землю изыде вещание твое, яко приемшую слово твое, имже боголепно научил еси, естество сущих уяснил еси, человеческия обычаи украсил еси, царское священство отче преподобне: моли Христа Бога спастися душам нашим.⁷⁶

Кондак, глас 4:

Явился еси основание непоколебимое церкви, подавая всем некрадомое господство человеку, запечатлея твоими велениями, небоявленне Василие преподобне.

Память святого мученика Василия Анкирского

Святой мученик Василий принадлежал к знатым гражданам Анкиры.⁷⁷ В царствование императора Юлиана Отступника,⁷⁸ за исповедание и проповедь христианской веры, он был схвачен и приведен к игемону Сатурнину. На вопрос игемона, верует ли он во Христа, Василий громким голосом воскликнул:

– Нет иного Бога, кроме Него.

Так святой без малейшего страха засвидетельствовал о своей вере во Христа, за что и был подвергнут жестокой пытке: он был повешен на дереве и тело его немилосердно строгами железными орудиями.

Затем дерзновенный исповедник Христов отослан был в Константинополь и там снова подвергся тому же тяжкому испытанию. После того мучители стали вытягивать тело страстотерпца с такой силой, что его кости вышли из своих суставов; при этом с воина Христова срезали кожу в виде ремней и кололи тело его раскаленными железными спицами.

Святой Василий мужественно претерпел все эти мучения, будучи подкрепляем Божественною силой. Наконец мучители ввергли его в раскаленную печь. Сохраненный силою Божией невредимым от огня, Василий в узах отведен был из Константинополя в Кесарию⁷⁹ и здесь осужден на растерзание зверям. С горячею молитвою ожидал святой Василий мученического венца и стяжал его, после того как был растерзан львицей.⁸⁰

Некоторые из сродников и друзей святого страстотерпца тщательно собрали священные его останки, умастили их благовониями и обвинив пеленами, предали честному погребению. Впоследствии при гробнице святого мученика Василия сооружен был храм.

мии, и одну в честь вселенского учителя и святителя Василия – о высоком совершенстве праведных и благе от них для ближних (Притч. 10, 31–32; 11, 1–12). Евангелие утреннее в честь святителя (Иоан. 10, 1–9) благовествует о достоинстве истинного пастыря, полагающего душу свою за овцы. На литургии, которая в 1-й день января бывает св. Василия Великого, чтением Апостола в честь его Церковь возвещает о совершеннейшем архиерее – Сыне Божием, Которому святой Василий Великий подражал в своей жизни (Евр. 7, 26–8, 2). Евангелие на литургии (одно – Обрезанию, другое – св. Василию) в честь святителя благовествует учение Иисуса Христа о блаженстве нищих духом алчущих и жаждущих правды и гонимых за веру Христову (Луки 6, 17–23), каким был и св. Василий Великий.

⁷⁶

⁷⁷ Анкира, главный город малоазийской провинции – Галатия (ныне Ангора).

⁷⁸ Юлиан царствовал с 361-го по 363-й год.

⁷⁹ Здесь разумеется Кесария Каппадокийская.

⁸⁰ Святой мученик Василий скончался около 362 года.

Память 2 января

Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского

Преподобный Серафим старец Саровский, родом был из Курска и происходил от благочестивых и состоятельных родителей, по фамилий Мошниных, принадлежавших к именитому купеческому сословию города; он родился 19-го июля 1759 года и в святом крещении наречен был Прохором. Отец его, Исидор имел великое усердие к храмам Божиим, а мать его, Агафья, еще более мужа своего, почитаема была за свое благочестие и благотворительность. На третьем году от рождения, Прохор лишился своего отца, и единственную воспитательницею его осталась благочестивая мать его Агафья, под руководством которой он возрос в благочестии христианском и в любви к молитве и храму Божию. С раннего детства над блаженным проявлялся дивный покров Божий, явно предсказывая в нем благодатного избранника Божиего. Однажды мать его, осматривая постройку церкви, начатую еще её мужем, взяла семилетнего Прохора вместе с собою на самый верх строившейся колокольни. По неосторожности отрок упал с колокольни на землю. Агафья в ужасе сбежала с колокольни, думая, что сын её разбился до смерти, но с удивлением и радостью увидела его стоящим на ногах целым и невредимым. Так над благодатным отроком исполнились слова Писания: *«не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею»* (Пс. 90:10–12).

На десятом году Прохора начали обучать грамоте, и отрок быстро стал постигать церковную грамоту, обнаруживая светлый ум и память и в то же время украшая себя кротостью и смирением. Но вдруг он впал в тяжкий недуг, так что домашние не надеялись на его выздоровление. В это тяжелое для него время Прохор видит в сонном видении Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни. В скором же времени слова Богоматери сбылись. В это время случился в Курске крестный ход во главе с чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы.⁸¹ По причине дождя и грязи, крестный ход, для сокращения пути, направился через двор Мошниной. Благочестивая Агафья поспешила вынести больного сына, приложила его к чудотворной иконе Богоматери, после чего отрок совершенно выздоровел.

С любовью прилежал благочестивый отрок к книжному учению, изучая Священное Писание и другие божественные и душеполезные книги, весь ум свой вперив к Богу, любовью к Которому пламенела его чистая душа. Между тем старший его брат занимавшийся торговлей, понемногу стал приучать к ней Прохора, но сердце отрока не лежало к этому делу: душа его стремилась стяжать себе духовное сокровище, нетленное и неоскудеваемое. Не имея возможности посещать в будничные дни божественную литургию, Прохор, несмотря на то, не пропускал почти ни одного дня без посещения храма Божиего и с рассвета поднимался, чтобы прослушать утреню; в воскресные же и праздничные дни он особенно любил заниматься на свободе чтением духовно-назидательных книг, причем иногда читал вслух и своим сверстникам, но более предпочитал уединение и безмолвие. От матери Прохора не утаилось направление её сына, но она не противоречила его желанию. И вот, когда благоче-

⁸¹ Знаменская икона Богоматери находится в Курском Знаменском монастыре; иначе называется «Коренною», потому что была чудесно обретаена при корне дерева, где после была основана, в 1597 г., Рождество-Богородицкая (ныне общежительная) пустынь, в 27 верстах от Курска. Торжественные празднества в честь чудотворной Коренной иконы Знамения Божией Матери совершаются 27-го ноября и 13-го сентября, в день возвращения в Знаменский монастырь из Коренной пустыни, куда она ежегодно препровождается к 9-й пятнице по Пасхе, оставаясь там до 12-го сентября.

стивому юноше исполнилось семнадцать лет, он твердо решил оставить мир и, с благословения матери, напутствовавшей его медным крестом, с которым с тех пор никогда не расставался, посвятил себя иноческой жизни.

Оставив мир, блаженный отправился сначала на богомолье в Киево-Печерскую лавру, где один прозорливый затворник по имени Досифей, провидя в юноше доброго подвижника Христова, благословил его идти спасаться в Саровскую пустынь.⁸²

– Гряди, чадо Божие, – говорил прозорливый старец юному подвижнику, – и пребудь в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение; с помощью Божией, там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух, Сокровище благих, управит жизнь твою в святине.

Повинуясь завету прозорливого старца, Прохор пришел в Саровскую пустынь, где с любовью был принят настоятелем пустыни, старцем Пахомием, иноком кротким и смиренным, много подвизавшимся в посте и молитве и бывшим – образцом иноков. Провидя благое произволение Прохора, Пахомий определил его в число послушников и отдал в научение старцу, иеромонаху Иосифу, бывшему казначеем обители. Находясь в келейном послушании у старца, Прохор с ревностью исполнял все монастырские правила и уставы и различные братские послушания: в хлебне, в просфорне, в столярне; кроме того, он исполнял в храме обязанности пономаря. Никогда не бывал он праздным, но постоянною работою старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений.

– Болезнь сия врачуется, – говорил он впоследствии по собственному опыту, – молитвою, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божиего и терпением потому, что и рождается она от малодушия, беспечности и празднословия.

На церковные службы Прохор являлся прежде всех, выстаивая неподвижно все богослужение, как бы оно ни было продолжительно. Вне церкви любил он уединяться в своей келии, занимаясь рукоделием или каким-либо иным послушанием, он беспрестанно имел в памяти и сердце молитву Иисусову, силою её препобедая различные вражеские искушения. Не довольствуясь тишиною и безмолвием Саровской обители, юный подвижник, соревнуя некоторым старцам, которые, с благословения настоятеля, удалились на полное уединение из монастырской ограды в глубь монастырского леса,⁸³ – по благословию своего старца Иосифа также удалялся в свободные часы в лесную чащу для молитвенного безмолвия. С молитвою он соединял воздержание и пост, в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни принимая ее только один раз. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику, постоянные и разительные подвиги которого трудно было укрыть, несмотря на глубокое его смирение. Особенно любовь и доверие являли к нему, как бы к своему род-

⁸² Саровская мужская пустынь, Тамбовской губ., Темниковского уезда, находится в 37 верстах от г. Темникова; основана в 1770 году иеросхимонахом Иоанном при впадении р. Саровки в р. Сатис на месте татарского города Сараклыч. Место это было освящено еще ранее подвигами добродетельных подвижников: первоначально инок Феодосия и потом Герасима, которые оба были свидетелями разных благодатных знамений, явно предсказывавших будущее значение этой местности (напр., в виде исходящего свыше огненного луча, громкого благовеста многих колоколов и т. д.). Спустя шесть лет по основании обители, под день, назначенный для воздвижения креста на главе первого воздвигавшегося в Сарове храма, на горе, где расположена обитель, раздался ночью громкий колокольный звон между тем, как ни одного колокола не было; тоже повторилось перед полуднем причем работавших осветил необыкновенный свет. Из преемников иеросхимонаха Иоанна особенно замечателен своею подвижническою жизнью и благоустройством монастыря строитель Ефрем. Саровская пустынь издавна славилась строгим соблюдением иноческих уставов и подвижническою жизнью своих пустынников. В настоящее время Саровская пустынь принадлежит к числу благоустроеннейших и обеспеченнейших русских обителей. В ней находится до 7 храмов; ризница её замечательна по выдающейся ценности, красоте и изяществу хранимых в ней богослужебных принадлежностей. Обитель обладает большими угодьями.

⁸³ Таковы, например, были знаменитый игумен и возобновитель Валаамского монастыря Назарий, начавший свое иноческое житие в Сарове и проводивший там же последние годы своей жизни, иеромонах Досифей и особенно прославившийся своими подвигами схимонах Марк, долгое время бывший молчальником.

ному чаду, старцы Пахомий и Иосиф. Эта любовь и всеобщее уважение Саровских иноков к юному подвижнику Христову особенно ясно выразились по следующему случаю.

В 1780 году Прохор тяжело заболел. Все тело его распухло, и он, претерпевая жестокие страдания, неподвижно лежал на своем жестком ложе. Врача не было, и болезнь не поддавалась никаким средствам; по-видимому, это была водянка. Недуг длился в течение трёх лет, половину коих страдалец провел в постели. Но слово ропота никогда не сходило с уст Прохора; всего себя, и тело и душу, он предал Господу и непрестанно молился, слезами своими омывая ложе свое.⁸⁴ Духовный отец и наставник Прохора, старец Иосиф, служил ему во время болезни как простой послушник; настоятель обители, старец Пахомий, неотлучно находился при нем; старец Исаия и другие старцы и братья также много пеклись о нем. Наконец, опасаясь за самую жизнь страдальца, Пахомий с решительностью предлагал ему позвать врача. Но блаженный с еще большею решительностью отказался от врачебной помощи.

– Я предал себя, отче святой, – сказал он старцу, – истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством (т. е. причастием Св. Тайн).

Тогда старец Иосиф по просьбе больного и по своему собственному усердию, отслужил о здравии Прохора всенощное бдение и литургию; на богослужение собрались братья из усердия помолиться о страждущем. После литургии Прохор был исповедан и причастился на болезненном одре своим святым Христовым Тайнам.

И вот по причащении, ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева Мария, сопровождаемая апостолами Иоанном Богословом и Петром. Обратившись Божественным ликом Своим к Богослову, Она сказала, указывая перстом на Прохора:

– Сей – нашего рода!⁸⁵

Потом Она возложила правую руку на его голову, – и тотчас же материя, наполнявшая тело больного, начала вытекать чрез образовавшееся в правом боку отверстие. В скором времени Прохор совсем исцелел и лишь признаки раны, бывшей истоком болезни, всегда оставались на его теле, как бы в свидетельство его дивного исцеления. На месте явления Богоматери вскоре затем, особым промыслом Божиим была сооружена двухэтажная церковь с двумя престолами и при ней больница, на месте сломанной кельи Прохора. Последний, по поручению настоятеля, собирал пожертвования на это построение и собственными руками соорудил в нижней больничной церкви престол из кипарисового дерева. Когда престол этот был освящён, преподобный Серафим до конца своей жизни причащался св. Таин преимущественно в этом храме – для непрестанного памятования о явленном ему на сем месте великом благодеении Божиим.⁸⁶

Пробыв в Саровской пустыни восемь лет в звании послушника, Прохор 18-го августа 1786 года, 27-ти лет от роду, удостоился пострижения в иноческий образ, при чем ему дано было новое имя – Серафим. С принятием иноческого сана, самое значение нового имени,⁸⁷

⁸⁴ По примеру св. Псалмопевца, который, среди скорбей и болезней, взывал: слезами моими омочаю постель мою. (Пс. 6:7).

⁸⁵ Выражение: нашего рода, очевидно, указывает на то, что преп. Серафим был особенно усердным молитвенником пред Божией Матерью и потому сам находился под особенным её покровом и заступлением, что ясно и подтверждается многочисленными примерами из самого жития преподобного.

⁸⁶ О сем впоследствии старец весьма часто и весьма многим сам говаривал. Престол, сооруженный преп. Серафимом, был освящен 17-го августа 1786-го года в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и доныне стоит на своем месте. Верхний престол был посвящен во имя Преображения Господня. – Во время трудного подвига сборщика на это построение, Серафим был и на своей родине, в Курске, но уже не застал благочестивую мать свою в живых; брат его, оставшийся после матери полным хозяином родительского достояния, оказал Прохору, с своей стороны, щедрое пособие для строения монастырской церкви.

⁸⁷ Еврейское слово «Серафим» значит: пламень, горение; дальнейшее значение, по некоторым толкованиям – возвы-

напоминая Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу Ангелов, возвышало в нем еще сильнейшее желание и святую ревность служить Господу. Серафим усугубил свои труды и подвиги и стал держать себя еще уединеннее, погружаясь во внутреннее Богомысленное созерцание.

С небольшим через год после того, преподобный был посвящен в сан иеродиакона.⁸⁸ С того времени он около шести лет почти непрерывно служил в этом сане, и к трудам прилагал труды, к подвигам еще новые, горя духом и пламенея Божественною любовью. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил он в бодрствовании и усердной молитве, без отдыха, стоя на молитвенном правиле до самой литургии; по окончании же Божественной службы, оставался еще долгое время в храме, приводя в порядок священную утварь и заботясь о чистоте алтаря Господня. И при всем том блаженный Серафим почти не чувствовал трудов, не утомлялся, не нуждался после них в продолжительном отдыхе, часто совсем забывая о пище и питье, и, отходя для отдыха, жалел зачем человек не может подобно Ангелам непрерывно служить Богу.

Все выше и выше восходила душа Серафима по лестнице добродетелей и Богомысленных созерцаний, – и, как бы в ответ на его пламенную святую ревность, Господь утешал и укреплял его в подвигах благодатными небесными видениями, созерцать кои он сделался способным вследствие чистоты сердца, непрестанного воздержания и постоянного возвышения души к Богу. Так иногда, при церковных служениях он созерцал святых Ангелов, сослужащих и воспевающих с братией, в образе молниеносных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; пения их нельзя было ни выразить словом, ни уподобить никакой земной мелодии. *«Сердце мое сделалось, как воск, растаяло»* (Пс. 21:15), – говорил он впоследствии словами Псалмопевца, вспоминая ту неизреченную радость, которую испытывал при сих небесных явлениях. И не помнил он тогда от той радости ничего; помнил только, как входил в церковь, да выходил из неё.

Но особенно благодатного, знаменательного видения сподобился преподобный однажды, во время Божественной литургии на страстной седмице. Это было в великий четверг. Литургию совершали благоговейные старцы Пахомий и Иосиф вместе с блаженным Серафимом, – ибо Пахомий глубоко привязался к юному, но благоискусному иноку и божественную службу почти всегда совершал с ним. Когда Серафим, после малого входа и паремий, возгласил: «Господи, еси благочестивым», и, вышедши в царские врата, со словами: «и во веки веков», навел на предстоящих орарем, его внезапно озарил сверху необыкновенный свет, как бы от лучей солнечных. Подняв взоры на сияние, блаженный Серафим узрел Господа нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, Небесными Силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат шел Он по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши руки Свои, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ близ царских врат.⁸⁹ Сердце блаженного

шенный, благородный. Это собственно ангельское имя, коим именовались и именуются светлые духи, принадлежащие к одному из ближайших Богу чинов небесной иерархии, занимающие пред престолом Всевышнего первое место в первом лике. – Имя сие было дано Прохору при пострижении его в иноческий образ без его ведома и изволения, и на это можно смотреть, как на выражение понятий о нем монастырского начальства, видевшего ревность Прохора к богоугодной жизни и прозорливо предусматривавшего в нем ещё больший пламень по Боге.

⁸⁸ Это было в декабре 1787-го года.

⁸⁹ Примечательно при сем то обстоятельство, что благодатное видение преподобного Серафима последовало в такое время литургии, когда вход священнослужителей в алтарь изображает шествие их как бы в самое небо, и священник в тайной молитве просит Господа: Владыка, Господи Боже наш, устанавливающий на небесах чины и вышинства ангелов и архангелов, для восславления Тебя, сотвори со входом нашим вход святых ангелов для служения нам и прославления Тебя, когда поется и Ангельская Трисвятая песнь: Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас. Таким образом видение это воочию показало, что не все мы веруем, что во время божественной литургии Силы Небесные с нами невидимо служат и что с нами в это время присутствует Сам Царь Славы – Христос.

преисполнилось неизреченною радостью, в сладости пламенной любви к Господу, и озарилось Божественным светом небесной благодати. И сам он от сего таинственного видения мгновенно изменился видом, — и не мог ни сойти с места, ни проговорить ни слова. Многие заметили это, но никто не понимал настоящей причины происходящего. Тотчас же два иеродиакона подошли к Серафиму и ввели его в алтарь; но и после того он около двух часов стоял неподвижно на одном месте, — только лицо его поминутно менялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался в нем живой румянец. Служившим литургию старцам Пахомию и Иосифу казалось, не почувствовал ли Серафим неожиданную слабость сил, которая столь естественно могла случиться с ним в великий четверг после продолжительного поста, особенно при том уважении, какое питал к нему издавна блаженный Серафим; но потом поняли, что ему было видение. Когда Серафим пришел в себя, старцы спросили его, что такое случилось с ним. Серафим кротко, с детскою доверчивостью поведал им о своем видении. Опытные в духовной жизни старцы сложили в сердце рассказ его; блаженному же Серафиму внушили, чтобы он не возгордился и не дал бы в душе места пагубной мысли о каком-либо своем достоинстве пред Богом. Но никто, кроме упомянутых старцев не узнал тогда, какого дивного посещения Божиего сподобился блаженный Серафим.

И святой, после сего благодатного небесного видения, не возмечтал о себе и о своих духовных дарованиях, но еще более утвердился в смиренномудрии. Ограждаемый глубоким смирением, он восходил от силы в силу и, непрестанно подвизаясь в духовном самоуничтожении, верно и неуклонно шел царским путем Креста Господнего. С сего времени Серафим стал еще более искать безмолвия и чаще прежнего удалялся для молитвы в Саровский лес, где для него была устроена пустынная келья. Проводя дни, с утра до вечера, в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, вечером он удалялся в пустынную келью для ночной молитвы, а рано утром опять возвращался в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793-м году Серафим на тридцать пятом году от рождения был рукоположен в сан иеромонаха.⁹⁰ И в этом сане, он, как и прежде, но с еще большею любовью продолжал в течение долгого времени непрерывное священнослужение, причащаясь ежедневно с верою и благоговением св. Христовых Таин.

Вскоре после этого, преподобный Серафим подъял на себя еще высший подвиг и добровольно удалился в пустыню. Это было по кончине любимого начальника и наставника его, блаженного старца Пахомия, который и благословил его пред своею кончиною на сей подвиг. С горьким плачем проводив тело своего наставника в землю, Серафим приняв на то благословение нового настоятеля, старца Исаяи, своего отца духовного, оставил обитель для безмолвных подвигов в пустыне.⁹¹

⁹⁰ Тамбовским епископом Феофилом 2-го сентября 1793-го года, по представлению монастырского начальства, ясно видевшего, что о. Серафим по своим подвигам неизмеримо выше других братии и потому заслуживает преимущества при возведении в высшие степени церковного служения.

⁹¹ Это было 20-го ноября (день прихода преподобного в Саровскую пустынь) 1794-го года. Доселе хранится в Саровской обители один экземпляр билета, выданного преп. Серафиму для беспрепятственного проживания в пустынной келье, за подписью строителя, старца Исаяи. Вот текст этого билета: «Объявитель сего, Саровский пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыне, в своей (т. е. монастырской) даче, по неспособности его в обществе, за болезнью (от непрестанного келейного бдения, постоянного пребывания на служениях в церкви и стояния в течение многих лет на ногах с небольшим лишь отдыхом во время ночи, Серафим пред своим отшествием в пустынножительство впал в недуг; ноги его опухли, и на них открылись язвы, так что он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь сея была немалым побуждением к избранию им себе пустынножизни) и по усердию (разумеются его особливые, исключительные иноческие подвиги, требовавшие безмолвия и уединения), и после многолетнего искушения (искуса, иноческого испытания) в той обители и в пустыне, уволен единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правом согласно святых отец положением и впредь ему никому не препятствовать, пребывание иметь в одном месте и оное утверждаю — строитель иеромонах Исаия, 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем».

Келья преподобного Серафима находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за 5–6 от монастыря, и состояла из одной деревянной комнатки с печкой. Подле кельи преподобный устроил небольшой огород, а потом и пчельник, которые обнес забором. Невдалеке от Серафима жили в уединении другие отшельники Саровские, и вся окрестная местность, состоявшая из разных возвышенностей, усеянная лесом, кустарником и кельями пустынножителей, как бы напоминала собою святую гору Афонскую. Посему преподобный наименовал пустынный холм свой горою Афонскою, дав и другим самым уединенным местам в лесу имена разных святых мест: Иерусалима, Вифлеема, Иордана, потока Кедрского, Голгофы, горы Елеонской, Фавора, – как бы для живейшего представления священных событий земной жизни Спасителя, Которому он окончательно предал свою волю и всю жизнь. Непрестанно упражняясь в чтении святого Евангелия, он особенно любил читать в этих местах о соответствующих их именам евангельских событиях. В Вифлеемском своем вертограде воспевал он евангельское славословие: *«слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»*.⁹² На берегу Саровки, как бы на берегах Иордана, вспоминал он о проповеди святого Иоанна Крестителя и крещении Спасителя. Нагорную беседу Господа о девяти заповедях блаженства он слушал на одной горе, лежавшей у Саровки, а на другой возвышенности, названной горою Преображения, созерцал в мысленном соприсутствии с Апостолами славу Преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего леса, он вспоминал по Евангелию моление Господа о чаше⁹³ и, тронутый до глубины души внутренними его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. На так названной им горе Елеонской он созерцал славу Вознесения Христа на небо и Его сидение одесную Бога.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, даже убогую: на голове поношенную камилавку, на плечах полукафтанье как бы в виде балахона из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные чулки и лапти; на балахоне его висел неизменно тот самый крест которым благословила его некогда мать, отпуская из дома в святую обитель, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно носил при себе св. Евангелие, которое всегда напоминало ему о спасительном ношении благого ига и легкого бремени Христова. Все время проходило для ревностного подвижника Христова в непрестанных молитвах и псалмопениях, чтении священных книг и телесных трудах.

В холодную пору преподобный собирал сучья и хворост и рубил своим топориком дрова для отопления своей убогой кельи. Летом он работал на своем маленьком огороде, который он сам возделывал и удобрял и овощами которого он преимущественно питался. Для удобрения земли, он ходил в жаркие летние дни на болотистые места за мохом, – и так как он входил туда, обнажившись и лишь препоясав чресла свои, то комары и другие насекомые, кишевшие над болотом, жестоко уязвляли тело его, так что оно часто не только опухало, но даже синело и запекалось кровью. Но подвижник Божий добровольно терпел эти мучительные язвы, Господа ради, и даже радовался им потому что, как говорил он впоследствии, «страсти истребляются страданием и скорбью – или произвольною, или посылаемою Промыслом», и потому, для совершеннейшего и надежнейшего очищения души, принимал на себя произвольные страдания. Собрав, таким образом, мох, угодник Божий удобрял гряды, сажал семена, поливал их, полол и собирал овощи, непрестанно славословя Бога и изливая тихую, святую радость свою в пении священных песнопений, которыми освежал и назидал дух свой среди однообразия телесных занятий. Обладая светлою памятью, с детства благоговейно внимательный к церковным службам Серафим знал наизусть множество церковных песнопений, кои и любил воспевать, среди трудов в своей безмолвной, уединенной пустыни,

⁹² Рождественское славословие Ангелов пастырям Вифлеемским. (Лк. 2:14).

⁹³ В саду Гефсиманском пред крестными страданиями.

причем некоторые, наиболее близкие к преподобному, люди замечали, что многие из этих песнопений имели наибольшее приложение к местности и к его уединенному иноческому доброделанию. Так святой Серафим особенно любил часто воспевать: *«Всемирную славу»*⁹⁴ – в честь Богородицы, Которую считал покровительницей своей пустыни, – *«Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, кроме мира суетного сущим»*⁹⁵ – антифон изображающий пустынную жизнь и воскреляющий душу пустытника к предметам Божественным, а также песнопения, возносящие душу человека к великому делу любви Божией, к творению мира и человека, как-то: *«Есть в несущих вся правда, словом создаваемая, духом совершаемая»*,⁹⁶ *«Снизойди на нечистую землю повелением своим»*⁹⁷ и т. д.

И вот среди этой трудовой молитвы, занимаясь где-либо работой в огороде, на пасеке, или в лесу, преподобный погружался в столь глубокое созерцание духовных тайн, что, незаметно для себя, прерывал работу, орудия падали из рук его, руки опускались, глаза придавали лицу особенный, благодатный характер самоуглубления. Старец всею душою погружался в самого себя, умом восходил на небо и витал в Богосозерцании. И если кому-нибудь в такие минуты случалось быть подле, или проходить мимо, то никто не смел нарушить благодатной тишины и покоя преподобного, и каждый тихо скрывался от него. В каждом предмете, в каждом делании Серафим видел сокровенное отношение их к духовной жизни и отсюда поучался и возводил умные очи свои горе. Так при рубке дров сделав один или три обрубка, он углублялся в созерцание великого таинства Единого Бога, в Троице славимого.

Сверх телесных трудов преподобный Серафим, дабы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг особенно – Священного Писания, а также святоотеческих⁹⁸ и богослужебных. Самою первою книгою для него было св. Евангелие, с которым он никогда не расставался, нося его с собою. Подвижническая жизнь, чистота сердца, молитвенные собеседования с Богом, духовная самоуглубленность и огромная начитанность в Священном Писании и душеполезных книгах – озарили ум его таким светом, что он ясно понимал и всею душою проникал смысл слова Божиего. Он поставил себе в пустыне постоянным правилом ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по несколько зачал из Евангелия и Апостола. *«Душу снабдевать, – говорил он впоследствии, – надобно словом Божиим: ибо слово Божие есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением слова Божиего в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел Господь не оставит человека Своею милостью, но исполнит дара разумения»*. И святой старец от непрестанных упражнений в чтении Слова Божиего стяжал себе этот благодатный дар разумения, а вместе с тем мир душевный и высший дар сердечного умиления. В Священном Писании он искал уже не одной истины, но и теплоты духа, и нередко, за священным чтением из его глаз текли слезы умиления, от которых человек, по собственному признанию старца, согревается весь и исполняется духовных дарований, улаждающих ум и сердце паче всякого слова.

⁹⁴ Богородичен воскресный на вечерне (Догматик) 1-го гласа.

⁹⁵ Воскресный антифон 2-й, 1-го гласа, на утрени.

⁹⁶ Ирмос 3-й песни канона воскресного, 3-го гласа.

⁹⁷ Ирмос 3-й песни канона воскресного, 8-го гласа.

⁹⁸ Таковыми были в особенности аскетические святоотеческие творения, как-то: преподобных Иоанна Лествичника и аввы Варсонофия, Ефрема и Исаака Сириных, Маргариты (составленный главным образом из творений св. Иоанна Златоустого) и другие.

Ежедневно преподобный совершал по Следованной Псалтири иноческое молитвенное правило, по чину древнейших христианских пустынножителей; в свое время пел и читал 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы, вечерню, малое повечерие, молитвы на сон грядущим, при чем часто также, вместо вечернего правила, полагал по тысяче поклонов за один раз, полунощницу и другие службы церковные. Изведав все образы и степени молитвы, он восходил не только до подвига так называемой умной молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, когда ум и сердце бывают соединены в молитве, помыслы не рассеяны и сердце согревается теплотою духовною, в которой воссияет свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

Так спасаясь в пустыне в течение недели, святой Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в Саровскую обитель, слушал вечерню, всенощное бдение или утреню, и за ранней литургией причащался св. Таин, после чего до вечерни принимал приходивших к нему по своим нуждам братьев, и потом, взяв с собою хлеба на неделю, возвращался в свою пустынную келью. Всю первую неделю Великого поста он проводил в монастыре и в эти дни говел, исповедовался и причащался св. Таин.

С молитвенными подвигами блаженный старец соединял подвиги великого воздержания и поста. В начале своей пустынной, отшельнической жизни он питался черствым и сухим хлебом, который брал с собою из обители по воскресеньям, на целую неделю, но и из этого количества хлеба он уделял добрую долю пустынным животным и птицам, которые очень любили его и часто посещали место его молитвенных подвигов. Даже диким зверям старец внушал благоговение. Так, к нему часто приходил громадный медведь, которого он кормил; по его слову, медведь уходил в лес и потом приходил снова, и старец кормил его и давал иногда кормить его своим посетителям. Впоследствии, преподобный Серафим еще более усугубил свой пост, отказавшись даже от хлеба, и приучил тело к такому воздержанию, что питался, по слову Апостола, *«работая своими руками»* (1 Кор. 4:12), одними овощами своего огорода. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения св. Таин в субботу. Совсем перестав брать хлеб из обители, он в течение более двух с половиною лет жил без всякого содержания от неё, и братия недоумевала, чем мог питаться старец все это время, не только летом но и зимою; только незадолго до смерти старец поведал некоторым близким ему лицам что он около трех лет питался лишь отваром из травы снити,⁹⁹ которую летом собирал и сушил на зиму.

Между тем многие стали нарушать безмолвие блаженного пустытника, часто посещая его ради духовного наставления и утешения. Многие из Саровской братии приходили к нему за советами и наставлениями, или для того, чтобы только повидать его. Умея узнавать и различать людей, старец от некоторых уклонялся, сохраняя молчание. Но тех, кто имел до него действительную духовную нужду, он охотно принимал и с любовью руководил их своими советами, наставлениями и духовными беседами. Таковыми были, например его постоянные посетители схимонах Марк и иеродиакон Александр:¹⁰⁰ но и они, находя иногда старца совершенно погруженным в Богомыслие, не осмеливаясь нарушить его покой, или дождались конца его молитвенных подвигов или, прождав некоторое время, тихо удалялись от старца. Бывали у преподобного и посторонние посетители. Если же, вне своей пустынной кельи, старец неожиданно встречал кого-либо в лесу, то, обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и уходил прочь, ибо от молчания, как говорил он впоследствии в своих наставлениях, никто никогда не раскаивался. Но вообще Серафим тяготился посе-

⁹⁹ Распространенное в России травянистое растение, обильно размножающееся подземными корнями, большею частью – сорное и плохопитательное, но употребляется в народной медицине от некоторых болезней, а молодые листья иногда употребляются в качестве овощей в щах.

¹⁰⁰ Первый из них бывал у него раза два в месяц, а последний – однажды. Преподобный Серафим охотно беседовал с ними о разных душевспасительных предметах.

тителями, нарушавшими его безмолвие. Особенно было для него тяжело, когда приходили к нему женщины; но уклоняться от наставлений им он не мог, считая это делом неугодным Богу. Тогда святой старец на том случайном основании, что женскому полу возбранен вход на св. гору Афонскую, решился распространить это запрещение и на свой холм названный им тем же именем. Придя однажды в монастырь во время совершения Божественной литургии, Серафим просил на то благословенья у строителя Саровского, старца Исаи, который, после некоторого недоумения,¹⁰¹ благословил его на то иконой Богоматери, именуемой «Блаженное Чрево».¹⁰² Вместе с тем, старец Серафим обратился с горячею мольбою к Богу и Пресвятой Богородице, дабы желание его исполнилось, и женщинам был бы возбранен вход на его пустынный холм так, чтобы это не было камнем преткновения и соблазна, как некоторым из братий, так еще более и мирянам; в удостоверение изволения Божия на сие прошение, он просил знамения в виде преклонения ветвей дерева, мимо которого он проходил, возвращаясь с праздника Рождества Христова из Сарова в свою пустынную келью. И вот когда он, на 26-е декабря ночью, пошел в Саров к Божественной литургии, то, дошедши до места, где грунт земли круто спускается вниз, увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и преградили проход к его кельи, тогда как с вечера ничего подобного не было. Тогда святой старец в чувстве живейшей благодарности Богу, пал на колени, уразумев из происшедшего, что желание его угодно Господу. И сам он поспешил завалить колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще посто-
ронним лицам с этих пор вход к нему был совершенно закрыт.

При виде таких подвигов великого старца, исконный враг рода человеческого вооружился против него всевозможными искушениями и кознями. Так он наводил на подвижника различные страхования, то испуская за дверями как будто вой дикого зверя, то представляя, что как будто скопище народа ломит дверь его кельи, выбивает косяки, бросает в старца обрубков дерева и т. п.; по временам и днем, но особенно ночью, во время молитвенного предстояния преподобного старца Серафима, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается и со всех сторон врываются с яростным ревом страшные звери; иногда вдруг пред ним появлялись отверстые гробы с восстающими из них мертвецами. И когда, впоследствии, один мирянин в простоте сердца своего, спросил его: «батюшка, видали ли вы злых духов?» – он отвечал с улыбкою: «они гнусны, – как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они – гнусны». Но все эти страшные видения, ужасы и искушения, сопровождаемые иногда и телесными страданиями, благодатный старец превозмогал теплою молитвою и препобеждал силою Честного и Животворящего Креста Господня. Неоднократно старец Серафим был искушаем духом честолубия, избираемый в игумены и архимандриты разных монастырей,¹⁰³ но он всегда в таких случаях с непоколебимою твердостью, растворенною глубокими смирением, отклонял от себя эти назначения, стремясь к истинному подвижничеству и в иноческом житии ища лишь спасения души своей и ближних.

¹⁰¹ Благословляя преподобного Серафима, Исаия заметил с недоумением: «Да как же я могу за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?» Но Серафим на это с верою и убеждением заметил: «Вы только благословите, и уже никто из них не взойдет на мою гору».

¹⁰² Празднуется сей иконе, наименованной согласно евангельскому выражению (Лк. 11:27): «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие», в неделю Всех Святых и 26-го декабря, когда именно старец Серафим испрашивал у строителя обители Исаи благословенья, чтобы женщинам не было входа на его пустынную гору.

¹⁰³ Так, преп. Серафима предназначили было настоятелем в г. Алатырь (уездный город Симбирской губернии), с возведением в сан архимандрита; ибо с одной стороны Саровская пустынь неоднократно давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители, с другой – духовное начальство знало старца Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввой – настоятелем какой либо обители. В другой раз Серафима предназначали строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но в обоих случаях по усердной просьбе старца и по взаимной любви, и согласно братии, его заменили другими иноками Саровскими.

Видя смиренномудрие святого старца, диавол воздвиг на него сильную мысленную брань,¹⁰⁴ поддерживая ее с такою силою, от которой падали некоторые и из великих подвижников. Тогда старец Серафим, в тяжком душевном обстоянии, обратился с сердечною молитвою к Подвигоположнику нашего спасения Господу Иисусу Христу и его Пречистой Деве Матери, и в то же время, для устранения и истребления дьявольских козней, решился подъять на себя новый высший молитвенный подвиг по примеру древних христианских столпников. В глубине дремучего леса, в ночное время, никем невидимый, всходил он на высокий гранитный камень, для усиления своего молитвенного подвига, и долговременно молился на нем, стоя на ногах или коленопреклоненный, взывая от глубины души мытареву молитву:

– *Боже, милостив будь мне грешному!*

В кельи своей сей новый столпник поставил также небольшой камень, на котором молился с утра до вечера, оставляя тот камень лишь для отдохновения от крайнего изнурения сил или для небольшого укрепления себя скудною пищею. В этом великом подвиге преподобный Серафим провел тысячу дней и тысячу ночей. Враг окончательно был побежден, и мысленная брань прекратилась. Но от такого необычайного молитвенного подвига и почти трехлетнего стояния на ногах старец пришел в крайнее телесное изнурение и получил тяжкие, болезненные язвы на ногах, кои не оставляли его до самой смерти. И только тогда, наконец, прекратил он свой невыносимо тяжкий подвиг столпничества, на который и в древности решались лишь весьма немногие подвижники. Но при жизни старца никто не знал о сем необычайном молитвенном его подвиге, который он сумел скрыть от любопытствующего взора человеческого. К бывшему после старца Исаяи игумену Нифонту был о Серафиме от преосвященного епископа Тамбовского тайный запрос, на который настоятель Саровский отвечал: «о подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях таких, также о стоянии 1000 дней и ночей на камне, никому не было известно».¹⁰⁵ И лишь незадолго до блаженной кончины своей преподобный Серафим, по примеру многих других подвижников в числе других обстоятельств своей жизни, поведал некоторым из Саровской братии и о сем своем дивном подвиге. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих. На сие святой старец заметил со смирением веры:

– Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе: а мои труды похожи ли на его подвиг?

Когда же собеседник заметил что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати укрепляющей, преподобный отвечал:

– Да, иначе сил человеческих не хватило бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, свыше нисходящим от Отца светов.

Потом, немного помолчав, прибавил:

– Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами.¹⁰⁶

Посрамленный диавол начал строить новые козни святому старцу для удаления его из пустыни. Он послал на него злых людей, которые, встретив преподобного в лесу, стали требовать от него денег будто бы получаемых им от приходящих к нему мирян. Старец отвечал, что он ни от кого не получает денег. Но они не поверили, и один из злодеев бросился на

¹⁰⁴ Брань – монашеское аскетическое выражение, означающее упорное и продолжительное искушение, которому диавол подвергает сопротивляющихся ему иноков. По причине сей борьбы с диаволом, иноки на языке аскетов часто зовутся духовными воинами.

¹⁰⁵ В бумагах обители сохранился сей отзыв Игумена Нифонта в черновике.

¹⁰⁶ Камни, на которых подвизался преп. Серафим, доселе сохраняются и некоторое время после кончины его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили смотреть на них так, что в пустынь Серафимову, вместо прежней тропинки, впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частицы камня с изображением на них старца Серафима, стоящего на камнях в молитвенном положении, так что от того большого камня, на котором преподобный молился в глубине леса, остался один обломок сохраняющийся в Дивеевской обители; там же хранится и тот камень, на котором старец молился в своей кельи.

него, но сам упал. Серафим обладал телесной силой и с топором в руках мог бы защищаться против трех разбойников. Но он вспомнил слова Спасителя: *«все, взявшие меч, мечом погибнут»* (Мф. 26:52); и, опустив топор, сложил крестообразно на груди руки и кротко сказал:

– Делайте, что вам надобно.

Один злодей, подняв топор, так сильно ударил старца обухом топора по голове, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Преподобный Серафим в беспамятстве упал. Злодеи продолжали яростно бить его обухом топора, поленьями, руками и ногами. Наконец, заметив, что он не дышит и считая его мертвым, они связали ему веревками руки и ноги, намереваясь бросить тело его, для сокрытия своего преступления, в реку; сами же бросились в келью старца за предполагаемой добычей, но, тщательно пересмотрев, перебрав и переломав все в кельи, ничего не нашли, кроме святой иконы и нескольких картофелин. Тогда они пришли в страх и раскаяние, что убили, без всякой пользы для себя, святого, нестяжательного человека Божиего, и бросились бежать. Между тем Серафим, очнувшись и кое-как развязав себе руки, вознес к Богу молитву о прощении своих убийц и с трудом дополз до своей кельи, где провел всю ночь в жестоких страданиях. На другой день с величайшим трудом добрал он в обитель во время литургии. Вид его был ужасен: волосы были смочены кровью, спутаны и покрыты пылью и сором, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, несколько зубов было вышиблено. На вопросы ужаснувшейся при сем зрелище братии старец молчал, но, попросив к себе настоятеля, старца Исайю, и монастырского духовника, поведал им о случившемся. И вот, к злорадству диавола, Серафим принужден был остаться в монастыре. Нестерпимо страдал он и лежал еле живой, не принимая никакой пищи. Так прошло восемь суток. Тогда, отчаявшись за его жизнь, послали за врачами, которые, освидетельствовав Серафима, нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами, и удивлялись, как старец мог остаться в живых после таких побоев. Для совещания о том, что лучше предпринять к облегчению старца, братия собрались в его кельи. В тоже время послали за настоятелем. И вот, – в ту минуту, когда оповестили, что настоятель идет, преподобный Серафим забылся и уснул тонким, легким, спокойным сном. Во сне увидел он дивное видение, подобное тому, какое видел некогда ранее, когда, еще в бытность свою послушником, лежал в смертельной болезни. К нему подошла Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная небесною славою; за Ней шли апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым Ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла:

– Что вы трудитесь?

Потом, обратясь опять лицом к старцу Серафиму, произнесла:

– Сей – от рода Моего!

После этого видение, которого присутствовавшие и не подозревали, кончилось, – а когда настоятель вошел в келию, больной снова пришел уже в себя. Отец Исаия стал настоятельно и с любовью уговаривать его воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, несмотря на отчаянное свое положение, после стольких забот о нем к удивлению всех твердо отвечал, что теперь он не желает никакого пособия от людей, умоляя настоятеля позволить ему предоставить свою жизнь Богу и Пресвятой Богородице. Настоятель принужден был исполнить желание старца, который от дивного Божественного посещения в продолжение нескольких часов находился в несказанной, неземной радости. Потом старец успокоился и почувствовал облегчение от болезни и постепенное возвращение сил. Немного времени спустя, он уже встал с постели, начал немного ходить по кельи и вечером подкрепился пищею. С того же самого дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Со дня болезни старец пробыл в монастыре около пяти месяцев. Болезнь сделала его согбенным, что еще и ранее замечалось в нем после того как однажды при рубке он был

придавлен деревом. Но, почувствовав в себе опять силы к проведению пустынной жизни, Серафим обратился к настоятелю с просьбою отпустить его в пустыню. Старец Исаия и братия упрашивали его остаться навсегда в монастыре. Но преподобный твердо отвечал, что ни во что вменяет подобные нападения, как случившееся с ним и готов перенести до смерти все оскорбления, какие бы ни случились. Тогда отец Исаия благословил то желание, и Серафим возвратился в свою пустынную келью.

Вскоре после этого разбойники, избившие старца, были найдены; то были крепостные люди некоего местного помещика Татищева. Тогда преподобный Серафим, с любовью простив их, просил настоятеля и помещика не наказывать их, объявляя, что в противном случае он оставит Саровскую обитель и тайно удалится в другие отдаленные святые места. По мольбе старца злодеев простили, но Бог наказал их за Своего угодника: вскоре сильный пожар совершенно истребил их жилища. Тогда разбойники пришли в раскаяние, и со слезами просили у преподобного Серафима прощения и святых молитв, возвратившись его благословением на путь добродетельной жизни.

За свои высокие подвиги и богоугодную жизнь святой старец сподобился от Бога благодатного дара прозорливости. Но тем более он избегал славы человеческой и стремился к безмолвию.

В 1806 году настоятель Саровской обители, старец Исаия, по своему болезненному положению и преклонности лет удалился от дел, и братия единодушно избрала на его место преподобного Серафима. Но Серафим уклонился от этого, как по своему глубокому смирению, так и по крайней любви к пустыне и безмолвию. Тогда настоятелем был избран отец Нифонт, с детства известный Серафиму. Между тем старец Исаия, вследствие недугов своих и слабости сил не имея возможности ходить за шесть верст в пустынь к преподобному Серафиму и вместе с тем, не желая лишиться утешения беседовать с ним, сильно скорбел о том. Тогда братия, по усердию, стали возить престарелого Исайю в пустынь к преподобному Серафиму, за телесною немощью обоих. Но вскоре и этот последний из самых дорогих друзей преподобного Серафима по жизни духовной отошел к Господу. Эта потеря поразила Серафима глубокою скорбью, и с того времени он еще более и чаще стал размышлять о тленности привременной сей жизни, о жизни будущей и страшном суде Христовом. Вместе с тем он с особенным усердием стал молиться о упокоении душ дорогих сердцу его блаженного Пахомия, Иосифа и Исаяи и, проходя мимо монастырского кладбища, всегда на их могилах возносил пламенные моления ко Всевышнему о них и о других Саровских старцах и подвижниках, называя их по пламенности и высоте молитв «огненными от земли до небес». И другим старец завещал чаще поминать их в молитвах. Так, одной знакомой инокине, нередко бывавшей в Сарове и посещавшей Серафима, последний дал такую заповедь:

– Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаяи, Пахомия, Иосифа, Марка, и проч. И потом говори про себя: простите, отцы святые, и помолитесь обо мне.

По смерти старца Исаяи, преподобный Серафим не изменил своего образа пустынно-ческой жизни, но придал новый характер своему подвижничеству, возложив на себя тяжкий подвиг молчаливства. Приходили ли к нему в пустыню посетители, – он не выходил к ним. Случалось ли ему самому встретить кого в лесу, – он падал ниц на землю и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. В таком безмолвии прожил он около трех лет. Незадолго до сего срока, он перестал посещать даже Саровскую обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынную его келью, особенно зимою, когда у старца не было своих овощей. Пища приносилась раз в неделю, в воскресный день. Когда брат входил в сени, старец, сказавши про себя: «аминь», отворял двери, потупив лицо в землю, и, лишь когда брат уходил, старец клал на лоток, лежавший

на столе, небольшую частицу хлеба или немного капусты, в знак того, что принести ему в следующее воскресенье.

Но это все были только наружные знаки молчаливчества. Сущность же многотрудного подвига старца заключалась собственно не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего, совершеннейшего посвящения себя Богу.

Многие из братии весьма сожалели о таком удалении благодатного старца от общения с ними и о подъятом им на себя подвиге молчаливчества, а некоторые даже как бы укоряли его за то, что он уединяется, тогда как, пребывая в близком общении с братией, он мог бы назидать их и словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении своей души. Но на все сии упреки старец отвечал словами преподобного Исаака Сирина: «возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире» и – святого Григория Богослова: «прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

И подъятый преподобным Серафимом на себя многотрудный подвиг молчаливчества совершеннейшим образом очищал и просвещал праведную душу его и еще более и выше возводил в тайны Богосозерцания, совершенно обезоруживая диавола для борьбы с пустынножителем. Какие плоды духа приносил для Серафима этот подвиг, – о сем ясно можно судить по наставлениям святого старца касательно безмолвия, несомненно основанным и на собственном опыте. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил впоследствии преподобный Серафим, – тогда враг, диавол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человека: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчаливца разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость. В соединении с другими занятиями духа, молчаливчество возводит человека к благочестию. Молчание приближает человека, к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в кельи своей во внимании и молчании, и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу: а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *«А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим»* (Ис. 66:2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние». Так проходил преподобный Серафим подвиг молчаливчества, и, достигая высших дарований духовных, получал и новые благодатные утешения, ощущая в сердце неизреченную *«радость во Святом Духе»* (Рим.14:17).

Переходя далее по лестнице добродетелей и иноческого подвижничества, преподобный Серафим возложил на себя еще высший подвиг затворничества. Это произошло следующим образом. В это время после Исайи настоятелем Саровским был отец Нифонт, муж богобоязненный и добродетельный, и в то же время великий ревнитель устава и порядков церковных. Между тем Серафим, со времени смерти Исайи, положив на себя обет молчания, жил в пустыне своей безысходно, как в затворе. Прежде он хаживал по воскресным дням в Саровскую обитель для причащения св. Таин. Но теперь он от болезни ног, развившейся от долговременного стояния на камнях, и ходить не мог. Многие из иноков соблазнялись этим обстоятельством, недоумевая, кто же причащает его св. Таин, и потому строитель созвал, наконец, монастырский собор из старших иеромонахов, представив им на разрешение вопрос относительно причащения старца Серафима. После совещания, старцы решили предложить Серафиму, чтобы он или ходил, если здоров и крепок ногами, по-прежнему, в обитель в воскресные и праздничные дни для причащения св. Таин; если же ноги не служат ему, то навсегда бы перешел на жительство в монастырскую келью. Общим советом было положено спросить чрез брата, носившего по воскресеньям пищу старцу Серафиму, что он изберет. Брат так и сделал, но на первый раз старец не отвечал ему ни слова. Брату поручили вторично передать Серафиму в следующий воскресный день предложение мона-

стырского собора. Тогда старец Серафим, благословив брата, отправился вместе с ним пешком в обитель, знаком дав при этом понять, что он не в силах был по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным днями в обитель. Это было 8-го мая 1810-го года, когда преподобному Серафиму было пятьдесят лет от роду. Возвратившись в обитель после пятнадцатилетнего пребывания в пустыне, Серафим, не заходя в свою келью, отправился в больничный корпус. Это было днем пред наступлением всенощного бдения. По удару в колокол старец явился на всенощное бдение в Успенский храм. Все братия пришли в сильное удивление, когда между ними мгновенно разнесся слух, что старец Серафим решил поселиться в обители. На другое же утро, 9-го мая, в день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая, Серафим пришел по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился св. Христовых Тайн. Из храма он направился в келью строителя Нифонта и, приняв от него благословение, поселился в прежней своей монастырской кельи. Но при этом старец никого, однако, не принимал к себе, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, подъяв на себя, таким образом, новый, труднейший подвиг затворничества.

О подвигах преподобного Серафима в затворе известно лишь очень немного, ибо он никого к себе не допускал и ни с кем не промолвил ни слова. В кельи своей он не имел ничего, даже самых необходимых вещей: икона Богородицы, пред которой всегда горела лампада, и обрубок пня, заменявший стул составляли все. Для себя самого он не употреблял даже огня. На плечах своих под рубашкой он носил на веревках большой пятивершковый железный крест для умерщвления плоти, «чтобы дух был спасен» (1 Кор. 5:5). Но вериги и власяницы он не носил никогда. «Кто нас оскорбит словом или делом, – говорил он, – и если мы переносим обиды по-евангельски – вот вериги нам, вот и власяница. Эти духовные вериги и власяницы выше железных». Одежду преподобный Серафим продолжал носить ту же, что и в пустыне. Пил он одну только воду, в пищу же употреблял лишь толокно, да белую квашеную капусту. Воду и пищу приносил ему живший с ним по соседству инок по имени Павел. Сотворив молитву у кельи старца, брат ставил пищу у дверей. А затворник, чтобы никто его не видал, накрывал себя большим полотнищем и, приняв блюдо, стоя на коленях, уносил его в свою келью, как бы принимая его из рук Божьих. Затем, подкрепившись, ставил посуду на прежнее место, скрывая опять лицо свое полотном по примеру пустынножителей, которые под кукулем¹⁰⁷ скрывали лицо свое.

Молитвенные подвиги старца в затворе были никому неизвестны; известно лишь, что они были весьма тяжелы, велики и многообразны. И здесь он, по-прежнему, совершал свое правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Кроме того, он часто совершал «умную» молитву¹⁰⁸ Иисусову или Богородичную. На молитве, святой старец погружался иногда в глубокое созерцательное, молитвенное настроение, стоя пред иконой, но, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом созерцая в сердце Господа. В течение недели он прочитывал по порядку весь Новый Завет: с понедельника по четверг четыре Евангелия – по одному каждодневно. В сенях сквозь дверь, иногда слышно было, как он читая, толковал про себя новозаветные священные книги, и многие приходили и слушали слово его в свое наслаждение, утешение и назидание. В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался св. Таин Христовых. Чтобы никогда не забывать о часе смертном, яснее представлять и ближе видеть его перед собою, святой Серафим попросил сделать для него гроб и поставить его в сенях затворнической его кельи. Желание святого старца было исполнено: ему выдолбили из цельного дуба гроб с крышкой, и он, некрашенный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от

¹⁰⁷ Кукуль – монашеский головной убор в виде клобука с опускающимися на плечи крепом; в древней Церкви обычная принадлежность монашеского облачения.

¹⁰⁸ «Умной» молитвой на языке аскетов называется созерцательная богомысленная молитва, когда подвижник всей душою погружается в нее в безмолвии.

настоящей жизни. В беседах с Саровскими братьями, блаженный Серафим часто говорил относительно сего гроба:

– Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе.

Вместе с духовными подвигами старец-подвижник стал соединять и телесный труд, освежая иногда усталую старческую грудь свежим воздухом. По предрассветным утрам, когда все еще спало, святой старец часто, читая молитву Иисусову, быстро двигался по кладбищу, среди могильных памятников или еще где-либо, взад и вперед, переноса тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое, ближайшее к кельи, место. Когда, однажды, послушник – будильщик, обрадованный таким видением, бросился к старцу, целуя его ноги и прося у него благословения, – Серафим благословив его, сказал:

– Оградись молчанием и внимай себе!

Пробыв в затворе пять лет, святой старец потом несколько ослабил его, сначала более лишь внешним образом: и келейная дверь у него была открыта, и всякий мог приходить к нему, но на вопросы имевших нужду в его наставлениях он, приняв на себя обет молчания пред Богом, не отвечал, безмолвно продолжая свое духовное делание. Бывший тогда Тамбовский епископ Иона, часто посещавши Саровскую обитель, однажды пожелал видеть лично отца Серафима и с этою целью подошел было к его кельи; но преподобный, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодия, и на сей раз не нарушил своего молчания и затвора.¹⁰⁹ Видно, преподобному Серафиму не наступило еще тогда время оставить затвор. Так понял это и преосвященный, который, на предложение игумена Нифонта снять двери кельи старца с крючков отвечал отказом, говоря: «как бы не погрешить нам». И оставил старца в покое.

Но вскоре после этого для преподобного Серафима действительно приспел час – совершенно оставить подвиг своего затворничества и молчальничества. С полным самоотречением, терпением, смирением и непостыдною верою пройдя путь общежительного инока, пустынника, столпника, молчальника и затворника, он стяжал себе великую чистоту душевную и сподобился от Бога высших благодатных дарований духовных. И тогда, по Вышней воле, ему надлежало оставить безмолвие и, продолжая жизнь всю в Боге и для Бога, исполненную высшего отречения от мира, выступить на служение тому же миру – своею любовью, ниспосланными от Бога благодатными дарованиями учительства, прозорливства, чудес и исцелений, своим духовным руководством, молитвою, утешением и советами. Таким образом, преподобный Серафим подъял на себя высочайший подвиг так называемого старчества,¹¹⁰ в котором и окончил свое многотрудное и праведное житие.

Сей подвиг великого старца начался с того, что он еще через пять лет, уже начал вступать в беседы с приходившими к нему посетителями, и, прежде всего, иноками. В своих беседах с ними преподобный Серафим главным образом направлял их к утверждению в соблюдении всех иноческих правил, внушая неопустительно совершать и слушать церковное молитвою, неукоснительно и усердно проходить со смирением свое послушание, за трапезою сидеть со страхом Божиим, без уважительной причины не выходить за монастырь, удерживаться от своеволия и самочинения, хранить взаимный мир и т. д. После сего святого старца стали навещать и посторонние, мирские посетители. Двери его кельи стали открыты

¹⁰⁹ Преподобный Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться примером преподобного Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Архиепископ Александрийский Феофил, желая придти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: «если для тебя отворю, то и для всех отворю». Тогда Феофил сказал: «лучше мне не ходить к нему».

¹¹⁰ Старчество представляет собою один из самых высших подвигов иночества, на который способны только немногие избранные люди. Это – духовное руководство и врачевание «старцами» иноков и всех приходящих, имеющих нужду в духовном утешении и совете. Добровольные ученики, приходя к старцу, раскрывают пред ним всю свою душу и отдаются в полное его послушание, а старец берет на себя труднейший подвиг любви христианской и великую ответственность пред Богом за их души.

для всех – от ранней литургии до восьми часов вечера. И старец всех принимал, преподавая каждому благословение и соответствующие краткие наставления. Посетителей благодатный старец принимал одетый, обыкновенно, в длинную белую одежду в виде балахона и в полумантию, с епитрахилью и в поручах; впрочем, последние он носил лишь в воскресные и праздничные дни, когда причащался св. Христовых Таин.

С особенною любовью святой старец принимал к себе искренно и смиренно кающихся и тех, кто проявлял в себе горячее усердие к духовной жизни христианской. После беседы с ними, преподобный Серафим имел обыкновение возлагать на их преклоненные головы конец епитрахили и правую свою руку. При сем он предлагал им произносить за собою краткую покаянную молитву, после чего сам произносил разрешительную молитву,¹¹¹ отчего приходившие получали облегчение совести и какое-то особое духовное наслаждение; затем старец крестообразно помазывал чело посетителя елеем из лампады, горевшей пред находившимся в его келии образом Божией Матери Умиления, которую он называл иконою Божией Матери – *Радости всех радостей*, а в том случае, когда это было до полудня (т. е. до надлежащего времени вкушения пищи), давал вкушать *великой агиасмы* (Богоявленской воды) и благословлял частицею антидора или освященного на всенощном бдении благословенного хлеба; потом – с каждым христосовался, в какое бы время то ни случилось, напоминая тем о спасительной силе Воскресения Христова, и давал прикладываться к образу Божией Матери, или к висевшему на груди его кресту. Одних, открывавших ему какие-либо особые свои недуги и скорби сердечные, он утешал и облегчал особыми, соответственными, добрыми отеческими советами и врачеваниями духовными; в других случаях – старец предлагал общехристианское назидание, особенно о непрестанной памяти о Боге, молитве и целомудрии. Во всех таких случаях он особенно заповещал всегда хранить на устах и в сердце молитву Господню – «Отче наш», архангельскую молитву – «Богородице Дева, радуйся», Символ веры и молитву Иисусову – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного», которые он считал особенно действенными и спасительными. Среди других посетителей, иногда являлись к святому Серафиму и знатные лица и государственные деятели, коим он делал соответствующие наставления, относясь к ним с должною честью и христианскою любовью, обращая внимание на важность их сана и отсюда поучая их верности святой Православной Церкви и отечеству. Посещали старца и лица царской фамилии; так в 1825-м году у него принял благословение великий князь Михаил Павлович. Но особенно много являлось к святому старцу простолудинов, требовавших от него не только наставлений, но иногда и житейской помощи, с верою на его святость и прозорливость, – и он не только утешал таковых нравственно, но и помогал им в их горе и нуждах силою своей прозорливости, с которою он указывал, например, бедным крестьянам, где найти потерянное или украденное у них добро, заповедуя им только при этом ограждаться молчанием. Нередко он также исцелял недужных, помазуя их в таких случаях елеем из лампады, висевшей пред упомянутым келейным его образом Божией Матери Умиления. Но при всем том преподобный Серафим вполне не оставлял еще своего затвора; сняв с уст печать молчания и принимая посетителей, он сам никуда, однако же, не выходил из своей кельи.

Вскоре наступило для преподобного Серафима время совсем оставить свой затвор. Но, прежде чем решиться на это, он обратился к Богу с молитвою о высшем изволении на открытое окончание затвора. И вот в ночь на 25-е ноября 1825-го года, старцу явилась в сонном видении Божия Матерь, вместе с празднуемыми в этот день святителями Климентом Римским и Петром Александрийским и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. На другой день, восстав от сна и сотворив свое обычное молитвенное правило, он сообщил

¹¹¹ Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между «освященными», т. е. имеющими степень священства аввами.

о своем желании игумену Нифонту, от которого и получил на то благословение. С этого времени преподобный Серафим стал посещать свою пустынную келью и молиться в ней.

Особенно часто старец ходил на так называемый «Богословский» родник. Этот родник находился верстах в двух от монастыря и существовал с давних пор еще до поступления Серафима в Саров; но он находился в запустении: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землею; вода утекала из него только одною трубою. Вблизи родника, на столбике, стояла икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, отчего родник и получил свое наименование. Место это очень полюбилось преподобному Серафиму. Согласно его желанию, родник был расчищен и возобновлен; накат, закрывавший бассейн, снят и, вместо того, сделан новый сруб с трубою. Здесь старец и стал проводить подолгу время, занимаясь Богомыслием и телесными трудами; ибо в прежнюю келью, по болезни, он ходить уже не мог. Старец собирал в реке Саровке камешки и унизывал ими бассейн родника; устроил подле для себя гряды, сажал овощи. На горке, около родника, для старца был устроен маленький сруб без окон и даже без дверей, с земляным входом со стороны под стенкой. Подлезши под стенку, преподобный Серафим отдыхал в этом убогом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя; впоследствии была поставлена ему новая келия с дверями и печью, но без окон. Здесь, в своей пустыни, он проводил все будничные дни, к вечеру возвращаясь в монастырь. Место это стали называть нижней пустынькой отца Серафима, а родник – колодцем отца Серафима.

Умилительно было видеть этого смиренного, согбенного старца подпиравшегося мотыкой¹¹² или топором в пустыне, за рубкою дров или за возделыванием гряд в убогой камилавке без крепа, в холщовом белом балахоне с сумою на плечах где лежало евангелие и груз из камней и песка для умерщвления своей плоти. На вопросы некоторых, для чего он это делает, – старец отвечал:

– Я томлю томящего меня.

Число посетителей благодатного старца значительно увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, другие посещали его в пустыне, жаждая увидеть его и принять от него благословение и наставление. Умилительно было видеть, когда преподобный Серафим возвращался в свою пустыньку после принятия св. Тайн – в мантии, епитрахили и поручах. Шествие его замедлялось от множества толпившегося около него народа. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы никого не видал, погруженный весь в размышления о благодатной силе св. таинства. Глубоко уважавший и любивший благодатного старца игумен Нифонт по поводу множества посетителей святого Серафима, говаривал:

– Когда отец Серафим жил в пустыне (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских.

С этих пор в преподобном Серафиме Бог открыл верующим по истине великое и драгоценное сокровище. Особенно усладительна была душеполезная беседа благодатного старца, проникнутая какою-то особенною любовью и в то же время дышащая тихою, живительною властью. И все обхождение его с посетителями отличалось, прежде всего, глубоким смирением и всепрощающею, действенною любовью христианской. Речи его согревали сердца, даже черствые и холодные, озаряли души духовным разумением растворяли их к слезному и сокрушенно покаянию, возбуждали отрадную надежду на возможность исправления и спасения даже в закоренелых и отчаявшихся грешниках, наполняли душу благодатным миром. Никого не поражал угодник Божий жестокими укоризнами, или строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкого бремени. Высказывал он нередко и обличения, но кротко растворяя слово свое смирением и любовью. Стараясь возбудить голос совести советами, он

¹¹² Мотыка – кирка, заступ, железная лопатка.

указывал пути спасения, и часто так, что слушатель на первый раз и не понимал, что речь идет о его душе; но потом сила слова, орошенного благодатью, непременно производила свое действие. Слово свое, как и всю свою жизнь, и все свои действия, преподобный Серафим всегда основывал на Слове Божиим, на святоотеческих творениях и на поучительных примерах из жизни святых благоугодивших Богу. При этом старец особенно чтит тех святых, которые явились наиболее доблестными ревнителями и поборниками православной веры, как-то: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, Климента, папу Римского, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Амвросия Медиоланского и т. д., и при этом постоянно убеждал стоять за непоколебимость веры и любил объяснять, в чем состоит чистота православия. Любил он также говорить об угодниках отечественной Церкви, например, о святителях Московских Петре, Алексии, Ионе и Филиппе, о Димитрии Ростовском, преподобном Сергии, Стефане Пермском и т. д., поставляя жизнь их правилом на пути к спасению. Все эти речи благодатного старца, помимо вышеуказанных их свойств имели особенную силу еще и потому, что прямо прилагались к потребностям слушателей и имели ближайшее отношение к их жизни и тем частным нуждам и случаям, ради коих они приходили в Саров к преподобному Серафиму.

Особенно соблюдал и охранял святой Серафим чистоту православия. Так на вопрос одного раскольника, какая вера лучше: нынешняя церковная, или старая, старец с властью заметил:

– Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша – корабль, а кормчий – Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское, и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чём утверждаешь свою надежду – спастись без кормчего?

В другой раз в Саровскую обитель привезли больную женщину, скорченную до такой степени, что колени её сведены были к груди. Когда ее внесли в келью преподобного Серафима, он стал расспрашивать ее, откуда она и отчего приключилась с нею такая болезнь. Больная чистосердечно, ничего не утаивая, раскрыла пред старцем как на духу, свою душу, что она родилась в Православной Церкви, но замуж вышла за раскольника, весьма закоснелого в своем лжеучении; вследствие долговременного влияния мужа и его семьи, она оттолкнулась от православия, и за то Бог внезапно покарал ее: ее как бы опалило, после чего начались сильные корчи. Страшная ломота терзала несчастную женщину четыре года, в продолжение коих она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Благодатный старец спросил больную, верует ли она ныне в мать нашу святую православную Церковь, и, на утвердительный ответ приказал больной перекреститься троеперстным сложением. Та отозвалась немощью, по которой не может даже руки поднять. Когда же преподобный с молитвою помазал ей елеем из висевшей у него лампы грудь и руки, недуг мгновенно оставил ее, и она возблагодарила старца, даровавшего ей исцеление. Народ дивился, при виде сего чуда, весть о коем быстро распространилась по монастырю и его окрестностям.

По чистоте своего духа стяжав дар прозорливости, преподобный Серафим нередко давал иным наставления относившиеся прямо к их внутренним чувствам и мыслям сердечным прежде, чем они раскрывали пред ним те обстоятельства, ради которых они обращались к нему, – и тем неотразимее в таких случаях действовало слово его. Вот особенно поразительный пример сего.

Однажды приехал в Саров из-за любопытства заслуженный генерал-лейтенант Л. Осмотрев монастырские здания и ничего не получив для души своей, он хотел уже уезжать; но его остановил один помещик по фамилии Прокудин, убеждая генерала зайти к затворнику – старцу Серафиму. Надменный собою, генерал сначала отказывался, но потом, уступая усиленным убеждениям Прокудина, согласился видеть старца. Как только вошли они

в келью, преподобный, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордого генерала. Прокудин же, заметив, что ему не следует оставаться с ними в кельи, вышел в сени, и украшенный орденами генерал около получаса беседовал со старцем. Через несколько минут послышался из кельи Серафима плач: то плакал, как малое дитя, генерал. Через полчаса дверь отворилась, и святой Серафим вывел генерала под руки; тот продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им в кельи старца. Преподобный вынес их и надел ордена на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о возможности такой прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до самых тайных подробностей. Между прочим, ордена генерала, во время беседы его с Серафимом свалились, при чем старец заметил:

– Это потому, что ты получил их незаслуженно.

Любовь благодатного старца была, казалось, всеобъемлюща и безгранична; казалось, что он любил всех и каждого больше, чем мать любит единственного сына своего возлюбленного. Не было такого страдания, такой скорби у ближнего, которых бы он не разделил, не принял бы в душу свою, и для врачевания которых не нашел бы соответствующих целебных средств. И вот он стал в глазах православного русского народа прибежищем, духовною опорой и утешением всех страждущих и обремененных, скорбящих и озлобленных, милости Божией и благодатной помощи требующих. Лица всех возрастов, званий и состояний и обоих полов с полною, как бы детскою доверчивостью, искренно и чистосердечно раскрывали пред ним свой ум и сердце, свои сомнения и недоумения, свои духовные нужды и печали, свои прегрешения и греховные помыслы, для смиренного исповедания коих без всякого ложного стыда и утайки, нередко на помощь приходил сам облагодатствованный старец, прозорливо читая в душе посетителя и вслух пред ним раскрывая его грехи и помыслы. И любвеобильный святой старец всех удовлетворял и успокаивал, никто не уходил от него без облегчения и душевного умиротворения, без действительного наставления и благодатного утешения, – ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни униженные, ни знатные. Народа, особенно за последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно до тысячи человек, а иногда до двух и более. Но святой старец не тяготился этим и со всяким находил время побеседовать на пользу души, в кратких словах объясняя каждому то, что ему именно было благопотребно. И все ощущали его великую любовь и её благодатную силу, и потоки слез нередко вырывались и у таких людей, кои имели твердые и окаменелые сердца.

Нередко преподобный Серафим возбуждал во многих зависть, нареkania или же недоумения, что он всех принимал к себе без разбора, всем одинаково делал добро, всех равно выслушивал, утешал и наставлял, не различая ни пола, ни звания, ни состояния и нравственных достоинств приходивших к нему посетителей. По поводу этого преподобный Серафим говорил не раз:

– Положим, что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинять меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу принести Богу на страшном суде его?

В другой раз, когда один инок спросил старца: «Что ты всех учишь?» – тот отвечал:

– Я следую учению Церкви, которая поет: *«не скрывай слов Божьих, но возведай о чудесах Его»*.¹¹³

Таким образом, святой старец прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством своей жизни, в котором Бог потребует от него отчета на страшном суде. Но при всем этом, когда старец видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали

¹¹³ На вечерне вторника Страстной седмицы, из стихир на «Господи воззвах» 4-го гласа.

его наставлениям и с пути греха и погибели становились на путь добродетели и спасения, то не восхищался этим как плодом своего дела, ничего не относя к себе, но за все благословляя Благодателя – Бога, говоря в таких случаях:

– *«Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей»* (Пс. 113:9).

И еще говорил он о том же:

– Мы должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: *«тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»* (Лк. 10:20).

Однажды к преподобному Серафиму пришли одновременно в келью один купец Владимирской губернии и строитель Высокогорской пустыни отец Антоний.¹¹⁴ Преподобный с любовью стал кротко и ласково обличать купца в его пороках и предлагать ему соответствующее наставление. Речь благодатного старца была настолько растворена теплотой сердца, что и купец, к которому она относилась, и случайно присутствовавший при сем отец Антоний были тронуты до слез. Последний, когда купец вышел из кельи, обратился к святому старцу с такими словами:

– Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: еще совсем не выслушавши сего богомольца, вы сами ему все уже высказали. Вижу я теперь, что ум ваш так чист, что от него ничто не скрыто в сердце ближнего.

Но преподобный Серафим, как бы заграждая уста своего собеседника, возложил на них свою руку и промолвил:

– Не так ты говоришь, радость моя: сердце человеческое открыто единому Господу и один лишь Бог – сердцеведец, а *«даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца»* (Пс. 63:7).

– Да как же вы, батюшка, – снова спросил отец Антоний, – не спросили ни одного слова от купца и все сказали, что ему потребно?

Тогда преподобный Серафим со смирением ответил:

– Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел яко к рабу Божию: я, грешный Серафим так и думаю, что я – грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что – у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия для его пользы – Как железо – ковачу, так я передаю себя и свою волю Господу Богу: как ему угодно, так и действую; своей воли не имею; а что Богу угодно, то и передаю.

Между тем эта благодатная прозорливость преподобного Серафима была поистине необычайна. Получая письма, он часто, не распечатывая их, знал их содержание и давал: «вот что скажи от убогого Серафима» и т. д. После блаженной кончины его, нашли много таких нераспечатанных писем, на которых в свое время даны были ответы. Духом святой старец был в единении со многими подвижниками, которых никогда не видел, и которые жили от него за тысячи верст. Когда в затворнике Задонского Богородицкого монастыря Георгии возник помысел, – не переменить ли ему своего места на более уединенное, и никто, кроме него самого, не знал об этом его тайном смущении, вдруг приходит к нему какой-то странник из Саровской пустыни от отца Серафима и говорит ему:

– Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.

¹¹⁴ Впоследствии известный наместник Троице-Сергиевой Лавры.

С этими словами странник поклонился и ушел. Когда же его стали искать, то не могли уже найти его ни в монастыре, ни за монастырем.

Еще ничего не было слышно об угоднике Божиим Митрофане, первом епископе Воронежском, и о предстоящем его прославлении: не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а между тем преподобный Серафим в нескольких словах собственноручно написанных, поздравлял преосвященного архиепископа Воронежского Антония с открытием святых мощей угодника Божия Митрофана.

Одному мирянину, некоему А.Г. Воротилову, старец не раз говорил, что на Россию восстанут три державы и много изнурят ее; но за православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда речь эта была непонятна; но впоследствии события объяснили, что старец говорил это о Крымской кампании.

С 1831 года Серафим многим предвозвещал о предстоящем голоде, и, по его совету, в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть годовых потреб и, вследствие этого, в обители не было голода. Когда явилась первая холера в России, преподобный открыто предвозвещал, что её не будет ни в Сарове, ни в Дивееве, – и предсказания эти исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Сарове, ни Дивееве не умерло ни одного человека.

Старец равно видел прошедшее и будущее, в нескольких словах очерчивал предстоящую жизнь человека и говорил речь и давал советы, казавшиеся странными, но впоследствии обстоятельства оправдывали их и они оказывались полными духа прозрения.

Кроме дара прозорливости, Господь продолжал являть в преподобном Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Еще ранее, в 1823 году, до окончательного оставления старцем своего затвора, одним из первых и разительнейших явлений этой Богодарованной ему чудодейственной благодати были исцеление им от неподдававшейся никакому лечению болезни одного соседнего помещика Ардатовского уезда М.В. Манторова. Когда недуг принял угрожающие размеры, так что у болящего выпадали даже кусочки кости из ног и всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, Манторов, по совету своих близких и знакомых, решился ехать в Саров, за сорок верст от своего имения Нуч, к отцу Серафиму, молва о святой жизни которого в то время распространилась уже по всей России. С большим трудом Манторов внесен был в сени кельи благодатного затворника, которого слезно стал просить об исцелении его от ужасного недуга. Тогда старец с сердечным участием и отеческою любовью, спросил его, верует ли он в Бога. Получив от болящего троекратное твердое и искреннее уверение в безусловной вере в Бога преподобный ласково сказал ему:

– Радость моя! если ты так веруешь, то верь и в то, что верующему все возможно от Бога, а посему веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

После того он удалился в свою келью и, немного времени спустя, вышел оттуда со святым елеем из лампады, висевшей пред образом Божией Матери Умиления, велел Манторову обнажить ноги и помазал больные места. И тотчас же стружья, покрывавшие тело, мгновенно отпали, и Манторов получил исцеление и без посторонней помощи вышел из кельи Саровского чудотворца. Когда же Манторов почувствовав исцеление, в радости бросился в ноги преподобному, лобызая их и благодаря за исцеление, старец, приподняв его, строго сказал:

– Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить, – что ты, батюшка? Это – дело Единого Господа, Который творит волю боящихся его и молитву их слушает. Господу Всемогущему, да Пречистой его Матери дай благодарение.

С этими словами смиренномудрый угодник Божий отпустил Манторова.

Не менее поразительно было совершенное святым старцем в 1827 году исцеление некоей женщины Александры, жены дворового человека Лебедева. Она более года страдала по-видимому беспричинно овладевшими ею страшными припадками, сопровождавшимися

рвотой, скрежетом зубов, судорогами всего тела, после чего болящая впадала в полное безпамятство; такие припадки повторялись с нею ежедневно. Принимаемые лекарями к прекращению недуга страдальцы средства не имели никакого успеха, а один опытный, верующий и честный врач, принявший в больной особенно сердечное участие и истощивший над ней все свое внимание, познания и искусство, наконец дал ей совет положиться на волю Всевышнего и просить у Него помощи и защиты, ибо из людей никто ее вылечить не может. Это привело в глубокую скорбь всех присных больной и повергло ее в отчаянье. И вот в одну ночь явилась к ней незнакомая, весьма старая женщина и, когда болящая в испуге стала читать молитву святому кресту, сказала ей:

– Не бойся меня: я – такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к отцу Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя.

Больная осмелилась спросить ее:

– Кто ты такая и откуда?

Явившаяся отвечала:

– Я из Дивеевской общины, первая настоятельница – Агафья.

На другой день родные повезли больную в Саров, причем по дороге с ней делались страшные обмороки и судороги. Сарова больная достигла после поздней литургий во время трапезы братии, когда преподобный затворился и никого не принимал. Но не успела еще больная, приблизившись к его кельи, сотворить обычной молитвы, как старец вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Здесь он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице, потом напоил больную Богоявленскою водою, дал ей частицу антидора и три сухарика и сказал:

– Каждые сутки принимай по сухарю со святою водою, да сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафьи, возьми себе земли и сотвори, сколько можешь, поклонов: она (Агафья) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления.

Преподаяв еще несколько кратких наставлений о молитве, преподобный с миром отпустил больную, причем недуг тогда же отошел от нее весьма ощутительно и как бы с неким шумом. Впоследствии болезнь к ней не возвращалась, и она имела многих сыновей и дочерей.

Много различных исцелений совершил над тяжело болящими преподобный Серафим, многие из них записаны, другие остались записанными лишь на скрижалях сердец благодетельствованных им; в кратком сказании о жизни угодника Божиего не достало бы им места. Во всех этих случаях старец, как мы о том упоминали, имел обычай мазать больных маслом из лампы, горевшей пред его келейною иконою Богоматери – *Умиления* и когда его вопрошали, почему он это делает, отвечал:

– Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?

И помазанные преподобным больные получали исцеления.

В кельи у Серафима горело много лампад и теплилось множество восковых свечей, больших и малых, на разных круглых подносах. И, на тайный помысел одного из посетителей, к чему это, прозорливый старец отвечал:

– Как вам известно, у меня много особ, усердствующих ко мне и благотворящих «мельничным сиротам» моим (сестрам Серафимо-Дивеевского монастыря). Они приносят мне елей, и свечи и просят помолиться о них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала однажды. А как я не смогу повторять их на каждом месте правила: то и ставлю эти свечи за них в жертву Богу – за каждого по свече; за иных – за несколько человек одну большую – и, где следует, не называя имен, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила. А что это не моя, убо-

гого Серафима, человеческая выдумка, или, так простое мое усердие, ни на чем Божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: *«вне завесы ковчега откровения в скинии собрания Аарон¹¹⁵ должны ставить оный пред Господом от вечера до утра всегда: это вечное постановление в роды ваши»* (Ср. Лев. 24:3). Вот почему святая Церковь Божия приняла в обычай возжигать в святых храмах и в домах верных христиан кандилы или лампы пред святыми иконами Господа, Божией Матери, святых Ангелов и святых человек, Богу благоугодивших.

А о Богословском роднике, получившем наименование колодца «Серафимова», старец впоследствии поведал:

– Я молился, чтобы вода сия в колодце была целительною от болезней.

И тогда вода этого родника получила особые, необыкновенные и целебные свойства, сохраняющиеся доселе. Вода эта не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Ею во всякое время года обливаются и омываются больные и даровые, даже в сильные холода, и получают пользу. Многим тяжело страдавшим от болезненных язв преподобный Серафим приказывал омыться водою из его источника, – и все получали от этого исцеление. Некоторые от омытия сею водою получали прозрение; другие, вкушая ее, получали скорое исцеление от внутренних недугов и с одра тяжелой болезни восставали здоровыми и бодрыми. Некая женщина, М.В. Сипягина, была тяжело больна, чувствовала ужасную тоску и от болезни, не смотря на свое усердие, не могла в постные дни есть пищи, положенной уставом. Преподобный Серафим приказал ей напиться воды из его источника. После этого у неё без всякого принуждения вышло горлом много желчи, и она исцелела. Во время холеры в 30-х годах прошлого столетия не мало верующих стекалось на колодец «Серафимов» из отдаленных даже стран и, по вере своей, получали от его целебных вод облегчение и исцеления. Так ротмистр Теплов, у которого было имение в Екатеринославской губернии, где холера начала производить большую смертность, при виде повальных заболеваний своих людей, вспомнил, что преподобный Серафим ранее, как бы невзначай, говаривал ему:

– Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится.

Воспоминание это побудило его с женою обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил их от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, старец является жене Теплова, и приказывает ей отправиться на Богословский родник взять оттуда воды, напиться и омыться ею, как им, Тепловым, так и их людям. С полною верою в силу ходатайства угодника Божия Серафима, Тепловы отправились на родник, напились и умылись из него и наполнили водою из него целую бочку, которую отвезли в свое имение. И действительно, больные люди Теплова, из коих многие были уже при смерти, получали дивное исцеление, пользуясь исключительно присланною им водою, и никто с тех пор не умирал от холеры в имении Теплова.

Но преподобный Серафим видел не только земное: неоднократно открывались ему и небесные тайны. Однажды, после продолжительной беседы с иноком Иоанном, с младенческою доверчивостью относившимся к святому старцу, о житии святых Божиих, их дарованиях и небесных обетованиях, последний несколько раз повторил ему:

– Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя.

Потом преподобный поведал и о себе:

– Усладился я словом Господа моего Иисуса Христа: *«В доме Отца Моего обителей много»* (Иоан. 14:2). И остановился я, убогий, на сих словах и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтобы Он показал мне их, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Вот я и был восхищен в эти небесные обители, – только не

¹¹⁵ и сыны его

знаю, с телом или кроме тела, Бог вещь, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал – сказать тебе невозможно.

С сими словами преподобный замолчал, склонился несколько вперед, голова его поникла, глаза закрылись, и старец протянутою кистью правой руки мирно и тихо водил против сердца. Лицо его дивным образом изменилось и издавало такой необычайный свет, что невозможно было даже смотреть на него; на устах же и во всем выражении его просветленного лица сияла такая духовная радость, что он казался как бы земным ангелом, как будто что-то умиленно созерцая и слушая.

Так прошло с полчаса, после чего преподобный заговорил:

– Ах, если бы ты знал, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидает праведного на небе, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби с благодарением. Если бы самая эта келья была полна червей, и они бы всю жизнь нашу ели нашу плоть, то и тогда надо бы на это со всяким желанием согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости.

Влияние благодатного старца не ограничивалось лишь Саровскою пустынью. Исключительное значение он имел для развития местного женского иночества. Особенно трогательны были отношения преподобного Серафима к Дивеевской общине, основанной около 1780 года помещицей Владимирской губернии, вдовой полковника Агафьей Семеновной Мельгуновой. В молодых годах, лишившись мужа, она возымела намерение посвятить жизнь свою Богу и с этою целью обошла многие святые места. И вот, отдыхая верстах в двенадцати от Саровской обители, в селе Дивееве, она в полусне увидела Божию Матерь, поручавшую ей остаться на сем месте и воздвигнуть храм в честь Казанской чудотворной иконы ее. Впоследствии к Мельгуновой, принявшей монашество с именем Александры, присоединились еще и другие подвижницы, и таким образом было положено начало Дивеевской обители, с которою неразрывно связано имя преподобного Серафима Саровского. Еще сама первоначальница Дивеевской обители, умирая, поручила будущую участь сестер преподобному Серафиму, бывшему в то время иеродиаконем, и блаженный старец Пахомий, игумен Саровский, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине. Преподобный Серафим заботился о ней с истинно-отеческою любовью и попечительностью. Дивеевские сестры ходили к нему за благословением и разрешением различных недоумений, передавали о своих нуждах. Старец же попечительно преподавал им добрые и душеполезные советы, с всею заботливостью вникая в жизнь и порядки общины.

По молитвам преподобного, на средства благотворителей, питавших особенную веру к нему и получивших по его молитвам исцеления, Дивеевская община значительно расширилась, чего требовала и самая населенность ею. Вместе с тем святой Серафим разделил обитель, под общим начальством и руководством, на две половины, так что в некотором расстоянии за особой оградой воздвиглись новые кельи с отдельным храмом, и явился как бы новый монастырек. «На это, – говорил он, – есть изволение Господа и Божией Матери». Так сделал угодник Божий потому, что считал неудобным и бесполезным, чтобы чистые девы жили вместе со вдовами, проводившими некоторое время в брачной жизни. По указанию Пресвятой Богородицы, старец выбрал для этого место саженьях в ста от Казанской Дивеевской церкви на пожертвованном для сего участке, причем на вновь приобретенной земле устроил для Дивеевских сестер собственную мельницу. Таким образом, преподобный Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутою Агафьей Семеновной Мельгуновой.¹¹⁶

¹¹⁶ 27 июля 1842 года был получен указ Св. Синода об утверждении общежительной Дивеевской обители в составе обоих отделений. В 1861 году Дивеевская община возведена в третьеклассный женский монастырь, и в настоящее время представляет собою одну из самых многолюднейших и благоустроеннейших женских обителей на Руси, вмещающую в себе до 1000 и даже свыше сестер.

Забываясь о сестрах Дивеевских, в особенности о «своих мельничных сиротах», как обыкновенно называл преподобный Серафим сестер вновь отделенной общины, он неустанно утешал их в скорбях их многотрудной, исполненной тяжких лишений иноческой жизни, удерживал малодушных, из коих некоторые хотели возвратиться даже к мирской жизни, ибо многие стеснялись крайними лишениями, так как обитель тогда ничем не была обеспечена. Но, благодаря благодатному влиянию преподобного Серафима, Дивеевская обитель стала привлекать к себе более и более сестер, искавших под отеческим руководством святого старца богоугодной иноческой жизни. Некоторые посвящали жизнь свою Богу в Дивеевской обители из благодарности за исцеления, полученные по молитвам святого старца. Иных он по своей прозорливости, с малолетства как бы предназначал к сему, и заранее, в духе сего предназначения, руководствовал к поступлению в обитель. А когда сестры общины, боясь за ее будущность, в виду ее материальной необеспеченности и неопределенности положения, скорбели о том, старец, утешая их, говорил, что сие место избрала для них Сама Царица Небесная, Которая во всем им поможет, так что у них и хлеба свои будут и церкви, и устав церковный будет как в Сарове, и что он, «убогий Серафим», всегда за них колени преклоняет. Сестры Дивеевской обители находились в полном послушании преподобного Серафима. Без благословения старца ничего не начинали. Когда какая-либо сестра хотела на время отлучиться из обители, то, как пред выходом, так и по возвращении в обитель, являлась к преподобному на благословение.

Для сестер Дивеевской обители Серафим оставил особое молитвенное правило, равно как преподавал им наставления относительно хранения ризницы и церковного имущества и т. д. Сначала сестры «мельничной общины» не имели отдельного, особого храма, что представляло для них довольно значительные неудобства. Но после того как угодник Божий дивным образом исцелил вышеупомянутого Манторова, тот из благодарности к старцу, согласно его убеждениям продал свое имение и отдал все свое достояние на построение большого каменного храма для «мельничных» сестер. Храм был воздвигнут двухпрестольный: во имя Рождества Христова и Рождества Богородицы, и освящен в 1829 году.

Что касается до трудов и подвигов рукоделья, то преподобный Серафим постановил для Дивеевских сестер заниматься исключительно трудом, свойственным простому классу людей. Но рисования, шитья шелками и золотом и других подобных работ, требующих некоторого углубления ума и более относящихся к искусству и предметам роскоши, старец не хотел допускать.

Все эти завещания старца строго исполнялись в Дивеевской общине. Уклонения же от них влекли обычно за собою неприятные для обители последствия; но Серафим своими молитвами охранял ее от нужды и бедствий. Так, преподобный завещал, чтобы в созданном им Христорождественском храме, где всегда должна быть читаема псалтирь, горели пред иконой Спасителя неугасимая свеча и пред иконой Божией Матери – неугасимая лампада, и присовокупил, что если это завещание его будет в точности исполняться, Дивеевская община не будет терпеть нужды и бедствий, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. Но однажды церковница, когда все вышли из храма, увидела, что масло все выгорало, и лампада потухла, а между тем это было последнее масло. Тогда, вспомнив о завещании старца Серафима, она подумала, что вот слова его не исполнились, и что, следовательно, и другим предсказаниям его доверять нельзя. Вера в прозорливость благодатного старца начала оставлять ее. Но вдруг она услышала треск и, склонив голову, увидела, что лампада зажглась и полна масла, и в ней плавают две мелких ассигнации. В смятении духа поспешила она к старице Елене Васильевне Манторовой, у которой была в послушании, поведать о дивном видении. На пути ее встретил крестьянин, вручивший ей для передачи 300 рублей ассигнациями на масло для неугасимой лампады за упокой его родителей.

Не ограничиваясь данными Дивеевским инокиням завещаниями и простирая виды гораздо далее, преподобный Серафим еще при жизни своей приготовил место для построения собора, тогда как ранее сестры пользовались для молитвы приходским храмом.

– У нас, матушка, – говорил он одной Дивеевской старице, утешая ее, – и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут и овечки, и волы. Что нам матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять.

Помышляя о построении собора, преподобный выбрал и место для него недалеко от Казанской церкви, на половине расстояния между старою и новою обителью, и приобрел денег па покупку земли; но, по обстоятельствам, постройка храма была остановлена на неопределенное время.

Таким образом Серафим образовал особую, так называвшуюся Серафимо-Дивеевскую общину, отдельную от прежней, созданной вышеупомянутою Агафьей Семеновною Мельгуновой. Но по духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру (Мельгунову), память которой глубоко чтит. Покровительницей же новоустроенной общины старец признавал Божию Матерь.

– Вот матушка, знайте, – говорил он одной старице, – что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления Своего имени: Она вам будет стена и защита.

С такою же попечительностью и любовью преподобный Серафим заботился также еще об Ардатовской обители¹¹⁷ и Зеленогорской женской общине,¹¹⁸ во исполнение благодатного завета Богоматери, поручившей ему в дивном видении для руководства и устройства эти три женские обители.

К концу своей жизни преподобный сподобился от Бога необыкновенно дивных даров благодати. Дверей своей келий он более уже никогда не запирает. В обхождении с ближними в нем всегда явно проявлялся дух христианской кротости и смиренномудрия. Беседы его, как с монашествующими, так и с мирянами, поражая своей дивной простотой, производили глубочайшее, неотразимое впечатление даже на неверующих и маловерных, обращая их на путь спасительного покаяния. И простецы, и ученые, и раскольники – получали от бесед с ним великое духовное назидание и утешение. Дар прозорливости и чудотворений возрастал в благодатном старце все более и более. По свидетельству многих генералов, офицеров и солдат, участвовавших в Севастопольской кампании, получившие от преподобного в напутствие благословение и освященной воды и с верою повторявшие на поле битвы: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима!» – оставались целы и невредимы даже в виду крайней опасности и неизбежной смерти. Весьма часто преподобный Серафим давал душеполезные наставления для будущего, которого обыкновенному смертному никак не предусмотреть, и прозорливо читал в душе вопросы ищущих наставления прежде, чем их успевали высказать. Однажды к нему пришли две девицы – одна уже пожилая, от юности пламеневшая любовью к Богу и желавшая иночества, другая – молодая, о монашестве совсем и не думавшая. Но святой старец первой из них сказал, что к монашеству ей дороги нет, а в браке она будет счастлива, а второй сказал, что она будет инокинею, назвав даже монастырь, в котором она будет подвизаться. Обе девицы вышли от старца с недоумением и неудовольствием, но последствия оправдали его и предсказания святого старца сбылись в точности. Душа человеческая была открыта пред преподобным как бы лицо в зеркале. Некоторых, из ложного стыда боявшихся обличения старца, он исповедовал, сам сказывая их грехи, как будто они при нем были совершены. Часто угодник Божий одним своим видом и простым словом приводил грешников к сознанию, и они решались исправиться от своих пороков.

¹¹⁷ В 1861 г. Покровская Ардатовская община, основанная около 1800 года мещанкой Василисой Дмитриевной Пахомовой, возведена на степень третьеклассного монастыря.

¹¹⁸ Ныне Спасо-Зеленогорский третьеклассный общежительный женский монастырь.

Так, однажды к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как бы кем-то был отталкиваем. Наконец, сам старец обратился к нему и строго спросил: «а ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех бывших начал вслух раскаиваться в своих пороках и особенно в совершенной им перед тем краже, сознавая, что он недостоин явиться пред лицо такого светильника.

Неоскудные исцеления истекали от святого подвижника, но он когда-то замечал, со смирением возражал, что это творится не им «убогим», а молитвенным предстательством Богоматери и Апостолов Христовых. Все пившие и умывавшиеся из источника Серафимова, по его благословению, получали дивные исцеления от своих недугов; такую целебную силу вода эта получила по молитве преподобного Серафима. Одному иноку, страдавшему полным расслаблением рук, старец, взяв сосуд со святою водою, сказал: «бери и пей», тот выпил воды и исцелел.

Других исцелял он елеем из лампады, горевшей всегда у него в келии пред иконой Божией Матери. Одного крестьянина, умиравшего от холеры, угодник Божий исцелил, приложив к иконе Богоматери, напоив его святой водой и велев обойти кругом обители и, зайдя в собор помолиться в нем, где, согласно предсказаний старца, «милосердие Божие» исцелило умиравшего. Многим преподобный Серафим являлся еще при жизни своей и в сонных видениях и исцелял от пагубных болезней, особенно в холерное время, когда от освященной из Серафимова источника воды исцелялись, по милости Божией, не только отдельные личности, но и жители целых селений. Бесноватых угодник Божий исцелял иногда одним своим присутствием, крестом и молитвою. Молитвы Серафима были так сильны пред Богом, что бывали примеры восстановления болящих от смертного одра. Так, жена некоего Воротилова была при смерти; муж ее, питая большую веру к преподобному, обратился к нему со слезной просьбой помочь болящей его; но старец объявил, что жена его должна умереть. Тогда Воротилов, обливаясь слезами, припал к ногам его, умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Преподобный погрузился минут на десять в «умную» молитву, потом раскрыл глаза, поднял Воротилова на ноги и радостно сказал ему: «ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь. Гряди с миром в дом свой». Воротилов с радостью поспешил домой, где узнал, что жена его почувствовала облегчение и именно в ту минуту, когда преподобный Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Иным старец предсказывал близкую смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского погребения; другим предсказывал, для исправления, о наказании Божиим, имеющем постигнуть их в случае нераскаянности. В Боге почившему наместнику Троице-Сергиевой Лавры, архимандриту Антонию,¹¹⁹ бывшему в то время строителем Высокогорской обители, он предсказал скорое и неожиданное перемещение в «великую Лавру, которую вверяет ему Промысел Божий».

Приближаясь к концу своего многотрудного жития, преподобный не только не смягчал скорбей его, но к прежним подвигам присоединял новые труды и подвиги. Спал старец в последние годы своей жизни, сидя на полу, спиной прислонившись к стене и протянувши ноги; иногда же преклонял голову на камень, или на деревянный обрубок, или ложился на мешках, кирпичах и поленьях, находившихся в его келии; приближаясь же к минуте своего отшествия из сего мира, становился на колени мал ниц к полу на локтях, поддерживая

¹¹⁹ Антоний, в мире А.Г. Медведев, известный сотрудник и сподвижник Филарета, митрополита Московского, наместник Троице-Сергиевой Лавры с 1831–1877 г., был избран на этот пост по личному желанию святителя и за продолжительное время своего наместничества привел Лавру в цветущее во всех отношениях состояние.

руками голову. Пищу он вкушал однажды в день, вечером; одежду носил убогую и бедную. А на вопрос одного богатого человека, зачем он носит такое рубище, старец отвечал:

– Иосиф царевич данную ему пустынноиком Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы.¹²⁰

Преподобный Серафим совсем уже умер для мира, не переставая в то же время с беспредельной любовью молитвенно предстательствовать пред Богом за живущих в нем. Небо стало для него совсем родным. Когда Курские посетители спрашивали Серафима, не имеет ли он передать чего своим родственникам, он, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой промолвил:

– Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец.

Вся Россия в это время знала и чтит преподобного Серафима, как великого подвижника и чудотворца.¹²¹ Однажды замечено было, что во время молитвы старец стоял на воздухе, и когда видевший это в ужасе вскрикнул, старец строго запретил ему рассказывать о том до его кончины, под угрозой возвращения болезни, от которой исцелил его.¹²²

За год и десять месяцев до своей кончины преподобный Серафим сподобился благодатного посещения Богоматери. Это было в праздник Благовещения, 25-го марта. За два дня он известил о том одну благочестивую Дивеевскую старицу, которая сподобилась сего дивного виденья, ради утешения ее и других Дивеевских сестер в их многоскорбном иноческом житии. Угодник Божий предупредил старицу, чтобы она ничего не боялась, а сам стал на колени, воздев руки к небу. Послышался шум как бы от большого ветра, потом раздалось церковное пение.

– Вот Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам! – произнес преподобный.

Келью озарил яркий свет, распространилось дивное благоухание.

Впереди шли два ангела, держа ветви с только что распустившимися цветами. За ними шли в белых блестящих одеждах святой Иоанн Предтеча и евангелист Иоанн Богослов, далее Богоматерь, сопровождаемая двенадцатью святыми девами – мученицами и преподобными. Царица Небесная была облечена в мантию, какая пишется на образе Скорбящей Божией Матери, и сияла необыкновенным светом и несказанной красотой; сверх мантий была как бы епитрахиль, а на руках поручи; на голове была возвышенная прекрасная корона, разнообразно украшенная крестами и сиявшая таким светом, что невозможно было смотреть на нее, равно как и на Божественный лик Самой Богоматери. Девы шли за Богоматерью попарно, в венцах, в несказанной небесной славе и красоте. Келья вдруг сделалась просторной, и вся наполнилась огнями особенного света, светлее и белее солнечного. Пресвятая Дева мило-стиво беседовала с преподобным старцем, как бы с родным человеком. Старица же в страхе пала ниц; но Богоматерь успокоила ее и велела встать. А святые девы, утешая старицу в многоскорбной жизни, поведали ей, указывая на свои светлые венцы, что они получили их за земные страдания и поношения. Пресвятая Богородица много беседовала с преподобным Серафимом, но старица не расслышала их беседы; слышала она только, что Пречистая просила его не оставлять ее дев Дивеевских, обещая ему Свою помощь и заступление. Видение

¹²⁰ См. Минеи-Четьи, под 19 ноября.

¹²¹ Благоговейные иереи и архиереи Православной Церкви, отличавшиеся подвигами и духовною жизнью, питали к преподобному Серафиму глубокое уважение и веру, писали к нему письма, спрашивая его советов. Особенно уважение питал к нему Антоний, архиепископ Воронежский, известный своею святою жизнью и иноческими подвигами. Вскоре после блаженной кончины угодника Божия, он говорил про него: – Мы – как копеечные свечи, а он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом, как прошедшею своею жизнью, так и настоящим дерзновением пред Пресвятою Троицею.

¹²² Случай этот был засвидетельствован княгиней Е.С.Ш. со слов исцеленного преподобным ее расслабленного сына. При сем старец, заметив, что болящий видел это, строго поведал ему «оградиться молчанием» и не говорить о том до его смерти, что тот и исполнил.

кончились тем, что, указывая на венцы святых дев, Богоматерь обещала таковые же и другим девам и подвижникам. Затем, обращаясь к святому старцу, прибавила:

– Скоро, любимче мой, будешь с нами.

Потом благословила его, после чего простились с ним и все бывшие здесь святые.

Восходя все выше и выше по лестнице добродетелей и подвигов иноческих преподобный Серафим приблизился, наконец, к отшествию своему из сего мира. Еще за год до смерти он почувствовал крайнее изнеможение. В это время он достиг 72 лет. В пустыньку свою он стал ходить уже не часто, тяготился даже в Сарове принимать многочисленных посетителей. Тяжкие страдания ног, которые мучительно болели от непрестанных бдений, от раннейшего молитвенного стояния на камне в продолжении тысячи дней и ночей и от жестоких истязаний разбойников, не давали ему покоя до конца его жизни, и из язв на ногах непрестанно истекала материя, но видом преподобный оставался светлым и радостным духом, чувствуя ту небесную радость и славу, которую уготовал Бог любящим его.

По прежнему подавая многим верующим благодатные исцеления и содействуя благоустройству и спасению многих чудным даром своей прозорливости, преподобный Серафим начал теперь предрекать и о своей близкой кончине. Преподавая иным последние наставления, он упорно твердил: «мы с тобою более не увидимся»; иным монашествующим лицам, а также мирянам рекомендовал впредь входить во все распоряжения и заботы о своем спасении самим, замечая, что они никогда более не увидятся и прощаются навсегда, и прося их молитв о себе. Часто видали святого старца за это время в сенцах около келии на приготовленном для него по его просьбе гробе, где он предавался размышлениям о загробной жизни, нередко сопровождавшимся горьким плачем. О том же он полунамеками, а иногда и прямо говорил некоторым из Дивеевских сестер, повторяя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.